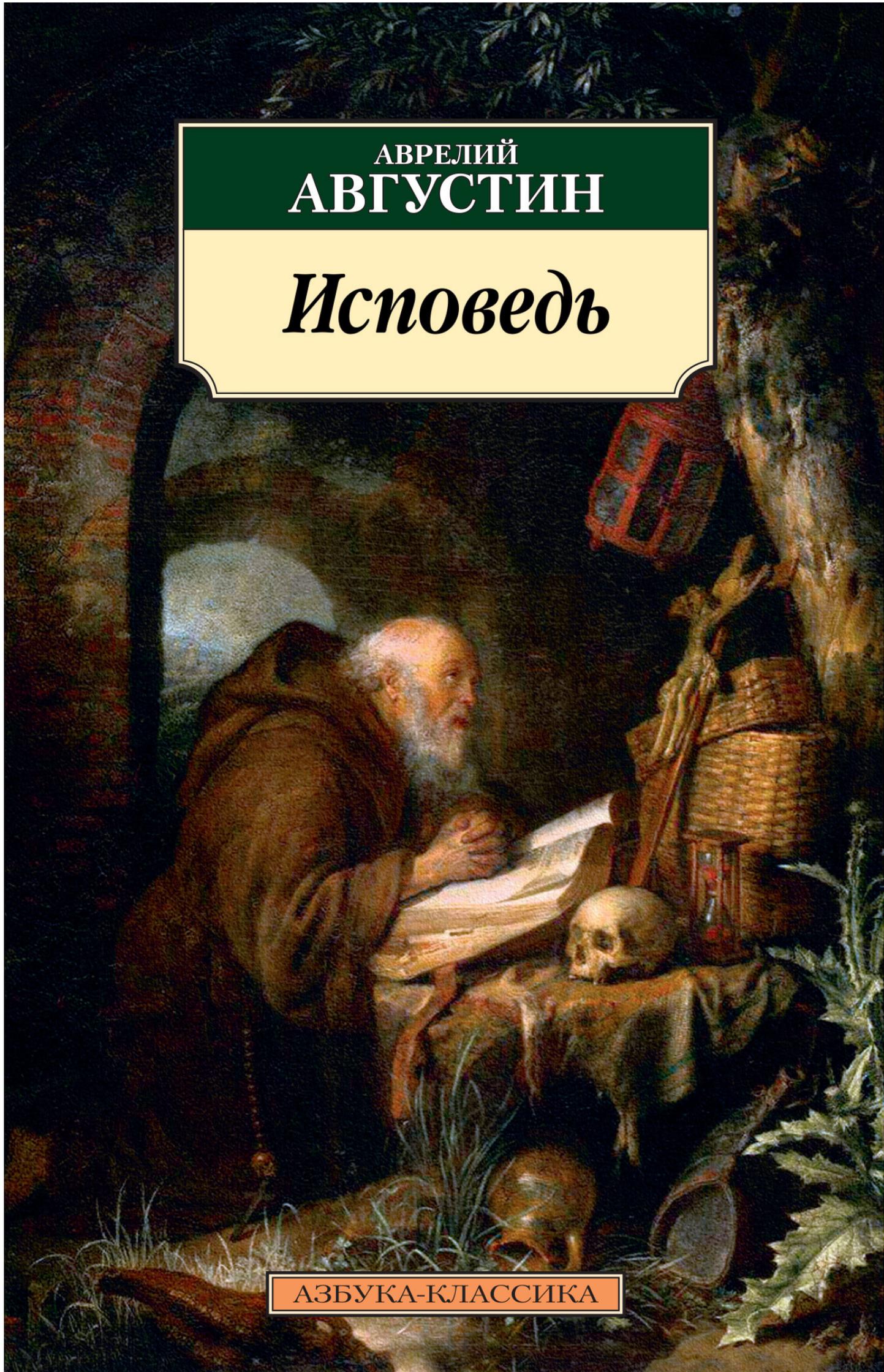

АВРЕЛИЙ
АВГУСТИН

Исповедь

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Аврелий Августин

Исповедь

«Азбука-Аттикус»

УДК 2
ББК 86.3

Августин А.

Исповедь / А. Августин — «Азбука-Аттикус», — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-23361-4

Аврелий Августин – один из святых Отцов Церкви, главных христианских философов эпохи патристики. Его перу принадлежат многие сочинения, заложившие основы современной богословской науки. Родившийся язычником, Августин уже в зрелом возрасте принял христианское крещение как результат собственных глубоких рассуждений об истине и вдохновении свыше. «Исповедь» – самая популярная книга Блаженного Августина – по сути является лирической автобиографией, рисующей внутреннее развитие святого от младенчества до окончательного утверждения в православном христианстве. С недостижимым для античной литературы и философии психологическим самоанализом Августин сумел показать в ней противоречивость становления личности... На протяжении пятнадцати веков «Исповедь» волнует сердца искренностью и живой свидетельской манерой повествования о сложном и радостном пути человека к Богу. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 978-5-389-23361-4

© Августин А.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Книга первая	6
Книга вторая	17
Книга третья	23
Книга четвертая	32
Книга пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аврелий Августин

Исповедь

© М. Е. Сергеенко (наследник), перевод, 1999

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Книга первая

I

1

«Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя, и неизмерима премудрость Твоя». И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты «противостоишь гордым» [Иак 4:6; 1 Пет 3:3]. И все-таки славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас этим славословием, ибо Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, узнать и постичь, начать ли с того, чтобы воззвать к Тебе, или с того, чтобы славословить Тебя; надо ли сначала познать Тебя, или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо «воззвать к Тебе»? «Как воззовут к Тому, в Кого не уверовали? и как поверят Тебе без проповедника? И восхвалят Господа те, кто ищет Его» [Рим 10:14]. Ищущие найдут Его, и нашедшие восхвалят Его. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Взывает к Тебе, Господи, вера моя, которую дал Ты мне, которую вдохнул в меня через вочеловечившегося Сына Твоего, через служение Исповедника Твоего.

II

2

Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, Господь, Который создал небо и землю? Господи, Боже мой! ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего, что существует, – значит, все, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне. Я ведь еще не в преисподней, хотя Ты и там. И «если я сойду в ад – Ты там» [Пс 138:8]. Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее: меня не было бы, не будь я в Тебе, «от Которого все, чрез Которого все, в Котором все» [Рим 11:36]. Воистину так, Господи, воистину так. Куда звать мне Тебя, если я в Тебе? и откуда придешь Ты ко мне? Куда, за пределы земли и неба, уйти мне, чтобы оттуда пришел ко мне Господь мой, Который сказал: «Небо и земля полны Мною»? [Иер 23:24]

III

3

Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их и еще что-то в Тебе остается, ибо они не вмещают Тебя? И куда изливается этот остаток Твой, когда небо и земля наполнены? Или Тебе не нужно вместилища, Тебе, Который вмещаешь все, ибо то, что Ты наполняешь, Ты наполняешь вмещая? Не сосуды, полные Тобой, сообщают Тебе устойчивость: пусть они разбиваются, Ты не выльешься. А когда Ты изливаешься в нас, то

не Ты падаешь, но мы воздвигнуты Тобой; не Ты расточаешься, но мы собраны Тобой. И все, что Ты наполняешь, целиком Собой Ты все наполняешь. Но ведь все не в состоянии вместить Тебя, оно вмещает только часть Тебя – и все сразу вмещают ту же самую часть? Или отдельные создания – отдельные части: большие большую, меньшие меньшую? Итак, одна часть в Тебе больше, а другая меньше? Или же повсюду Ты целый и ничто не может вместить Тебя целого?

IV

4

Что же Ты, Боже мой? Что, как не Господь Бог? «Кто Господь, кроме Господа? и кто Бог, кроме Бога нашего?» [Пс 17:32] Высочайший, Благостнейший, Могущественнейший, Всемогущий, Милосерднейший и Справедливейший; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижный и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий все, вечно Юный и вечно Старый, Ты обновляешь все и старишь гордых, а они того и не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у Тебя есть все. Ты любишь и не волнуешься; ревнуешь и не тревожишься; раскаиваешься и не грустишь; гневаешься и остаешься спокоен; меняешь Свои труды и не меняешь совета; подбираешь то, что находишь, и никогда не теряешь; никогда не нуждаешься и радуешься прибыли; никогда не бываешь скуп и требуешь лихвы. Тебе дается с избытком, чтобы Ты был в долгу, но есть ли у кого что-нибудь, что не Твое? Ты платишь долги, но Ты никому не должен; отдаешь долги, ничего не теряя. Что сказать еще, Господь мой, Жизнь моя, моя Святая Радость? И что вообще можно сказать, говоря о Тебе? Но горе тем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели.

V

5

Кто даст мне отдохнуть в Тебе? Кто даст, чтобы вошел Ты в сердце мое и опьянил его так, чтобы забыл я все зло свое и обнял единое благо свое, Тебя? Что Ты для меня? Сжался и дай говорить. Что я сам для Тебя, что Ты велишь мне любить Тебя и гневаешься, если я этого не делаю, и грозишь мне великими несчастьями? Разве это не великое несчастье не любить Тебя? Горе мне! Скажи мне по милосердию Твоему, Господи, Боже мой, что Ты для меня? «Скажи душе моей: Я – спасение твое». Скажи так, чтобы я услышал. Вот уши сердца моего пред Тобой, Господи: открой их и скажи душе моей: «Я спасение твое» [Пс 34:3]. Я побегу на этот голос и застигну Тебя. Не скрывай от меня лица Твоего: умру я, не умру, но пусть увижу его.

6

Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его. Он обваливается, обнови его. Есть в нем, чем оскорбиться взору Твоему: сознаюсь, знаю, но кто приберет его? и кому другому, кроме Тебя, воскликну я: «От тайных грехов моих очисти меня, Господи, и от искушающих избавь раба Твоего» [Пс 18:13–14]. Верю и потому говорю: «Господи, Ты знаешь». Разве не свидетельствовал я пред Тобой «против себя о преступлениях моих, Боже мой? и Ты отпустил беззакония сердца моего» [Пс 31:3]. Я не сужусь с Тобой, Который есть Истина, и не хочу лгать себе самому, да не солжет себе неправда моя. Нет, я не сужусь с Тобой, ибо, «если возришь Ты на беззакония, Господи, Господи, кто устоит?» [Пс 129:3]

VI

7

И все-таки позволь мне говорить перед Тобой, Милосердный, мне, «праху и пеплу» [Быт 18:27–28]. Позволь все-таки говорить: к милосердию Твоему, не к человеку, который осмеет меня, обращаюсь я. Может быть, и Ты посмеешься надо мной, но, обратившись ко мне, пожалеешь меня. Что хочу я сказать, Господи, Боже мой? – только, что я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту – сказать ли – мертвую жизнь или живую смерть? Не знаю. Меня встретило утешениями милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню. Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творения. Ты дал мне не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага, и от Господа моего все мое спасение. Я понял это впоследствии, хотя Ты зывал ко мне и тогда – дарами извне и в меня вложенными. Уже тогда я умел сосать, успокаивался от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств – пока это было все.

8

Затем я начал и смеяться, сначала во сне, потом и бодрствуя. Так рассказывали мне обо мне, и я верю этому, потому что то же я видел и у других младенцев: сам себя в это время я не помню. И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а окружающие вне меня и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям – но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв ли меня или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем. Что младенцы таковы, я узнал по тем, которых смог узнать, и что я был таким же, об этом мне больше поведали они сами, бессознательные, чем сознательные воспитатели мои.

9

И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу. Господи – Ты, Который живешь всегда, в Котором ничто не умирает, ибо прежде начала веков и прежде всего, о чем можно сказать «прежде», Ты есть – Ты Бог и Господь всего создания Твоего – стойки у Тебя причины всего нестойкого, неизменны начала всего изменяющегося, вечен порядок беспорядочного и временного, – Господи, ответь мне, наступило ли младенчество мое вслед за каким-то другим умершим возрастом моим, или ему предшествовал только период, который я провел в утробе матери моей? О нем кое-что сообщено мне, да и сам я видел беременных женщин. А что было до этого, Радость моя, Господь мой? Был я где-нибудь, был кем-нибудь? Рассказать мне об этом некому: ни отец, ни мать этого не могли; нет здесь ни чужого опыта, ни собственных воспоминаний. Ты смеешься над тем, что я спрашиваю об этом, и велишь за то, что я знаю, восхвалять Тебя и Тебя исповедовать?

10

Исповедую Тебя, Господи неба и земли, воздавая Тебе хвалу за начало жизни своей и за свое младенчество, о которых я не помню. Ты позволил человеку догадываться о себе по другим, многому о себе верить, полагаясь даже на свидетельство простых женщин. Да, я был и жил тогда и уже в конце младенчества искал знаков, которыми мог бы сообщить другим о том, что чувствовал. Откуда такое существо, как не от Тебя, Господи? Разве есть мастер, который создает себя сам? В другом ли месте течет источник, откуда струится к нам бытие и жизнь? Нет, Ты создаешь нас, Господи, Ты, для Которого нет разницы между бытием и жизнью, ибо Ты есть совершенное Бытие и совершенная Жизнь. Ты совершенен, и Ты не изменяешься: у Тебя

не проходит сегодняшний день, и, однако, он у Тебя проходит, потому что у Тебя все; ничто не могло бы пройти, если бы Ты не содержал всего. И так как «годы Твои не иссякают» [Пс 101:28], то годы Твои – сегодняшний день. Сколько наших дней и дней отцов наших прошло через Твое сегодня; от него получили они облик свой и как-то возникли, и пройдут еще и другие, получают свой облик и как-то возникнут. «Ты же всегда один и тот же» [Пс 101:28]: все завтрашнее и то, что идет за ним, все вчерашнее и то, что позади него, Ты превратишь в сегодня, Ты превратил в сегодня. Что мне, если кто-то не понимает этого? Пусть и он радуется, говоря: «Что же это?» Пусть радуется и предпочитает найти Тебя, не находя, чем, находя, не найти Тебя.

VII

11

Услыши, Господи! Горе грехам людским. И человек говорит это, и Ты жалеешь его, ибо Ты создал его, но греха в нем не создал. Кто напомнит мне о грехе младенчества моего? Никто ведь не чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день. Кто мне напомнит? Какой-нибудь малютка, в котором я увижу то, чего не помню в себе?

Итак, чем же грешил я тогда? Тем, что, плача, тянулся к груди? Если я поступлю так сейчас и, разинув рот, потянусь не то что к груди, а к пище, подходящей моему возрасту, то меня по всей справедливости осмеют и выбранят. И тогда, следовательно, я заслуживал брани, но так как я не мог понять бранившего, то было и не принято и неразумно бранить меня. С возрастом мы искореняем и отбрасываем такие привычки. Я не видел сведущего человека, который, подчищая растение, выбрасывал бы хорошие ветви. Хорошо ли, однако, было даже для своего возраста с плачем добиваться даже того, что дано было бы ко вреду? Жестоко негодовать на людей неподвластных, свободных и старших, в том числе и на родителей своих, стараться по мере сил избить людей разумных, не повинующихся по первому требованию потому, что они не слушались приказаний, послушаться которых было бы губительно? Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но, бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата. Кто не знает таких примеров? Матери и кормилицы говорят, что они искупают это, не знаю, какими средствами. Может быть, и это невинность – при источнике молока, щедро изливающимся и преизбыточном, не выносить товарища, совершенно беспомощного, живущего одной только этой пищей? Все эти явления кротко терпят не потому, чтобы они были ничтожны или маловажны, а потому, что с годами это пройдет. И Ты подтверждаешь это тем, что то же самое нельзя видеть спокойно в возрасте более старшем.

12

Господи, Боже мой, это Ты дал младенцу жизнь и тело, которое снабдил, как мы видим, чувствами, крепко соединил его члены, украсил его и вложил присущее всякому живому существу стремление к полноте и сохранности жизни. Ты велишь мне восхвалять Тебя за это, «исповедовать Тебя и воспевать имя Твое, Всевышний» [Пс 91:2], ибо Ты был бы всемогущим и благим, если бы сделал только это, чего не мог сделать никто, кроме Тебя; Единственный, от Которого всякая мера, Прекраснейший, Который все делаешь прекрасным и все упорядочиваешь по закону Своему. Этот возраст, Господи, о котором я не помню, что я жил, относительно которого полагаюсь на других и в котором, как я догадываюсь по другим младенцам, я как-то действовал, мне не хочется, несмотря на весьма справедливые догадки мои, причислять к этой моей жизни, которой я живу в этом мире. В том, что касается полноты моего забвения, период этот равен тому, который я провел в материнском чреве. И если «я зачат в беззаконии и во грехах питала меня мать моя во чреве» [Пс 30:7], то где, Боже мой, где, Господи, я, раб

Твой, где и когда был невинным? Нет, я пропускаю это время; и что мне до него, когда я не могу отыскать никаких следов его?

VIII

13

Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло – куда оно ушло? И все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному разуму, который Ты дал мне, Боже мой. Когда я хотел воплями, различными звуками и различными телодвижениями сообщить о своих сердечных желаниях и добиться их выполнения, я оказывался не в силах ни получить всего, чего мне хотелось, ни дать знать об этом всем, кому мне хотелось. Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигивания, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выразить свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил; я глубже вступил в бурную жизнь человеческого общества, завися от родительских распоряжений и от воли старших.

IX

14

Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в красноречии, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама. Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе, «Помощь моя и Прибежище мое» [Пс 93:22], и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое. Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал меня – что было не во вред мне, – то взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.

15

Есть ли, Господи, человек, столь великий духом, прилепившийся к Тебе такой великой любовью, есть ли, говорю я, человек, который в благочестивой любви своей так высоко настроен, что дыба, кошки и тому подобные мучения, об избавлении от которых повсеместно с великим трепетом умоляют Тебя, были бы для него нипочем? (Иногда так бывает от некоторой тупости.) Мог ли бы он смеяться над теми, кто жестоко трусил этого, как смеялись наши

родители над мучениями, которым нас, мальчиков, подвергали наши учителя? Я и не переставал их бояться, и не переставал просить Тебя об избавлении от них, и продолжал грешить, меньше упражняясь в письме, в чтении и в обдумывании уроков, чем это от меня требовали. У меня, Господи, не было недостатка ни в памяти, ни в способностях, которыми Ты пожелал в достаточной мере наделить меня, но я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сам занимался, разумеется, тем же самым. Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело, но взрослые за них наказывают, и никто не жалеет ни детей, ни взрослых. Одобрит ли справедливый судья побои, которые я терпел за то, что играл в мяч и за этой игрой забывал учить буквы, которыми я, взрослый, играл в игру более безобразную? Наставник, бывший меня, занимался не тем же, чем я? Если его в каком-нибудь вопросике побеждал ученый собрат, разве его меньше душили желчь и зависть, чем меня, когда на состязаниях в мяч верх надо мною брал товарищ по игре?

Х

16

И все же я грешил, Господи Боже, все в мире сдерживающий и все создавший; грехи же только сдерживающий. Господи, Боже мой, я грешил, нарушая наставления родителей и учителей моих. Я ведь смог впоследствии на пользу употребить грамоту, которой я, по желанию моих близких, каковы бы ни были их намерения, должен был овладеть. Я был непослушен не потому, что избрал лучшую часть, а из любви к игре: я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. Я тешил свой слух лживыми сказками, которые только разжигали любопытство, и меня все больше и больше подзуживало взглянуть собственными глазами на зрелища, игры старших. Те, кто устраивает их, имеют столь высокий сан, что почти все желают его для детей своих и в то же время охотно допускают, чтобы их секли, если эти зрелища мешают их учению; родители хотят, чтобы оно дало их детям возможность устраивать такие же зрелища. Взгляни на это, Господи, милосердным оком и освободи нас, уже призывающих Тебя; освободи и тех, кто еще не призывает Тебя; да призовут Тебя, и Ты освободишь их.

XI

17

Я слышал еще мальчиком о вечной жизни, обещанной нам через уничтожение Господа нашего, нисшедшего к гордости нашей. Я был ознаменован Его крестным знаменем и осолен Его солью по выходе из чрева матери моей, много на Тебя уповавшей. Ты видел, Господи, когда я был еще мальчиком, то однажды я так расхворался от внезапных схваток в животе, что был почти при смерти; Ты видел, Боже мой, ибо уже тогда был Ты хранителем моим, с каким душевным порывом и с какой верой требовал я от благочестивой матери моей и от общей нашей матери Церкви, чтобы меня окрестили во имя Христа Твоего, моего Бога и Господа. И моя мать по плоти, с верой в Тебя бережно вынашивавшая в чистом сердце своем вечное спасение мое, в смятении торопилась омыть меня и приобщить к Святым Твоим Таинствам, Господи Иисусе, ради отпущения грехов моих, как вдруг я выздоровел. Таким образом, очищение мое отложили, как будто необходимо было, чтобы, оставшись жить, я еще больше вывалялся в грязи; по-видимому, грязь преступлений, совершенных после этого омовения, вменялась в большую и более страшную вину. Итак, я уже верил, верила моя мать и весь дом, кроме отца, который не одолел, однако, во мне уроков материнского благочестия и не удержал от веры в Христа, в Которого сам еще не верил. Мать постаралась, чтобы отцом моим был скорее Ты, Господи, чем он, и Ты помог ей взять в этом верх над мужем, которому она, превосходя его, подчинялась, ибо и в этом подчинялась, конечно, Тебе и Твоему повелению.

18

Господи, я хочу узнать, если Тебе угодно, с 18 каким намерением отложено было тогда мое Крещение: во благо ли отпущены мне были вожжи моим греховным склонностям? или они не были отпущены? Почему и до сих пор в ушах у меня со всех сторон звенит от слова, то об одном человеке, то о другом: «Оставь его, пусть делает: ведь он еще не крещен». Когда дело идет о телесном здоровье, мы ведь не говорим: «Оставь, пусть его еще ранят: он еще не излечился». Насколько лучше и скорее излечился бы я, заботясь об этом и сам, и вместе со своими близкими, дабы сенью Твоей осенено было душевное спасение, дарованное Тобой. Было бы, конечно, лучше. Какая, однако, буря искушений нависает над человеком по выходе из детства, мать моя это знала и предпочитала, чтобы она разразилась лучше над прахом земным, который потом преобразится, чем над самим образом Божиим.

ХII

19

В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня тем не менее принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто принуждал меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи. Они ведь только и думали, чтобы я приложил то, чему меня заставляли учиться, к насыщению ненасытной жажды нищего богатства и позорной славы. Ты же, «у Которого сочтены волосы наши» [Мф 10:30], пользовался, на пользу мою, заблуждением всех настаивавших, чтобы я учился, а моим собственным – неохотой к учению – Ты пользовался для наказания моего, которого я вполне заслуживал, я, маленький мальчик и великий грешник. Так через поступавших нехорошо Ты благодетельствовал мне и за мои собственные грехи справедливо воздавал мне. Ты повелел ведь – и так и есть, – чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание.

ХIII

20

В чем, однако, была причина, что я ненавидел греческий, которым меня пичкали с раннего детства? Это и теперь мне не вполне понятно. Латынь я очень любил, только не то, чему учат в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков. Первоначальное обучение чтению, письму и счету казалось мне таким же тягостным и мучительным, как весь греческий. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, ибо «я был плотью и дыханием, скитающимся и не возвращающимся» [Пс 77:39]. Это первоначальное обучение, давшее мне в конце концов возможность и читать написанное, и самому писать что вздумается, было, конечно, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли заучивать блуждания какого-то Энея, забывая о своих собственных; плакать над умершей Дидоной, покончившей с собой от любви, – и это в то время, когда я не проливал, несчастный, слез над собою самим, умирая среди этих занятий для Тебя, Господи, Жизнь моя.

21

Что может быть жалостнее жалкого, который не жалеет себя и оплакивает Дидону, умершую от любви к Энею, и не оплакивает себя, умирающего потому, что нет в нем любви к Тебе, Господи, Свет, освещающий сердце мое; Хлеб для уст души моей, Сила, оплодотворяющая разум мой и лоно мысли моей. Я не любил Тебя, я изменял Тебе, и клики одобрения звенели вокруг изменника. Дружба с этим миром – измена Тебе: ее приветствуют и одобряют, чтобы

человек стыдился, если он ведет себя не так, как все. И я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, проследовавшей к последнему пределу», – я, следовавший сам за последними созданиями Твоими, покинувший Тебя, я, земля, идущая в землю. И я загрустил бы, если бы мне запретили это чтение, потому что не мог бы читать книгу, над которой грустил. И эти глупости считаются более почтенным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму.

22

Господи, да воскликнет сейчас в душе моей и да скажет мне правда Твоя: «Это не так, это не так». Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я готов скорее позабыть о блужданиях Энея и обо всем прочем в том же роде, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают полотнища, но это не знак тайны, внушающей уважение: это прикрытие заблуждения. Да не поднимают против меня крика те, кого я уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже мой, в том, чего хочет душа моя: я успокаиваюсь осуждением злых путей своих, дабы возлюбить благие пути Твои. Да не поднимают против меня крика продавцы и покупатели литературной премудрости; ведь если я предложу им вопрос, правду ли говорит поэт, что Эней когда-то прибыл в Карфаген, то менее образованные скажут, что они не знают, а те, кто пообразованнее, определенно ответят, что это неправда. Если же я спрошу, из каких букв состоит имя «Эней», то все, выучившиеся грамоте, ответят мне правильно, в соответствии с тем уговором, по которому людям заблагорассудилось установить смысл этих знаков. И если я спрошу, от чего у них в жизни произойдет больше затруднений: от того ли, что они позабудут грамоту, или от того, что позабудут эти поэтические вымыслы, то разве не очевидно, как ответит человек, находящийся в здравом уме? Я грешил, следовательно, мальчиком, предпочитая пустые рассказы полезным урокам, вернее сказать, ненавидя одни и любя другие. Один да один – два; два да два – четыре; мне ненавистно было тянуть эту песню и сладостно было суетное зрелище: деревянный конь, полный вооруженных, пожар Трои и «тень Креусы самой».

XIV

23

Почему же ненавидел я греческую литературу, которая полна таких рассказов? Гомер ведь умеет искусно сплести такие басни; в своей суетности он так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек. Я думал, что таким же для греческих мальчиков оказывается и Вергилий, если их заставляют изучать его так же, как меня Гомера. Трудности, очевидно обычные трудности при изучении чужого языка, окропили, словно желчью, всю прелесть греческих баснословий. Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни срока и пугая жестокими наказаниями. Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц, шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал. Отсюда явствует, что для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость. Течению первой ставит плотину вторая – по законам Твоим, Господи, по законам Твоим, управляющим и учительской линейкой, и искушениями праведников, – по законам, которыми властно определено литься спасительной горечи, призывающей нас обратно к Тебе от ядовитой сладости, заставившей отойти от Тебя.

XV

Услыши, Господи, молитву мою, да не ослабнет душа моя под началом Твоим, да не ослабну я, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоем, исхитившем меня от всех злых путей моих; стань для меня сладостнее всех соблазнов, увлекавших меня; да возлюблю Тебя всеми силами, прильну к руке Твоей всем сердцем своим; избавь меня от всякого искушения до конца дней моих. Вот, Господи, Ты Царь мой и Бог мой, и да служит Тебе все доброе, чему я выучился мальчишкой, да служит Тебе и слово мое, и писание, и чтение, и счет. Когда я занимался суетной наукой, Ты взял меня под свое начало и отпустил мне грех моего увлечения этой суетой. Я ведь выучил и там много полезных слов, хотя им можно было научиться, занимаясь предметами и несуетными: вот верный путь, по которому должны бы идти дети.

XVI

25

Горе тебе, людской обычай, подхватывающий нас потоком своим! Кто воспротивится тебе? Когда же ты иссохнешь? Доколе будешь уносить сынов Евы в огромное и страшное море, которое с трудом переплывают и взошедшие на корабль? Разве не читал я, увлекаемый этим потоком, о Юпитере, и гремящем, и прелюбодействующем? Это невозможно одновременно, но так написано, чтобы изобразить, как настоящее, прелюбодеяние, совершаемое под грохот мнимого грома-сводника.

Кто из этих учителей в плащах трезвым ухом прислушивается к словам человека, созданного из того же праха и воскликнувшего: «Это выдумки Гомера: человеческие свойства он перенес на богов – я предпочел бы, чтобы божественные – на нас»? Правильнее, однако, сказать, что выдумки выдумками, но когда преступным людям приписывают божественное достоинство, преступления перестают считаться преступлениями и совершающий их кажется подражателем не потерянных людей, а самих богов – небожителей.

26

И однако в тебя, адский поток, бросают сынов человеческих, чтобы они учили это, притом еще за плату! Какое великое дело делается, делается публично, на форуме пред лицом законов, назначающих сверх платы от учеников еще плату от города! Ты ударяешься волнами о свои скалы и звенишь: «Тут учатся словам, тут приобретают красноречие, совершенно необходимое, чтобы убеждать и развивать свои мысли». Мы действительно не узнали бы таких слов, как «золотой дождь», «лоно», «обман», «небесный храм», и прочих слов, там написанных, если бы Теренций не вывел молодого повесу, который, рассмотрев нарисованную на стене картину, берет себе в разврате за образец Юпитера. На картине было изображено, каким образом Юпитер некогда пролил в лоно Данаи золотой дождь и обманул женщину. И посмотри, как он разжигает в себе похоть, как будто поучаемый с небес:

И бог какой, великим громом храм небесный сотрясавший!
Ну как не совершить того же мне, человеку малому?

Нет, неверно, неверно, что легче заучить эти слова в силу их мерзкого содержания; такие слова позволяют спокойнее совершать эти мерзости. Я осуждаю не слова, эти отборные и драгоценные сосуды, а то вино заблуждения, которое подносят нам в них пьяные учителя; если бы мы его не пили, нас бы секли и не позволили позвать в судьи трезвого человека. И однако, Боже мой, пред очами Твоими я могу уже спокойно вспоминать об этом: я охотно этому учился, наслаждался этим, несчастный, и поэтому меня называли мальчишкой, подающим большие надежды.

XVII

27

Позволь мне, Господи, рассказать, на какие бредни растрачивал я способности мои, дарованные Тобой. Мне предложена была задача, не дававшая душе моей покоя: произнести речь Юноны, разгневанной и опечаленной тем, что она не может повернуть от Италии царя тевкров. Наградой была похвала; наказанием – позор и розги. Я никогда не слышал, чтобы Юнона произносила такую речь, но нас заставляли блуждать по следам поэтических выдумок и в прозе сказать так, как было сказано поэтом в стихах. Особенно хвалили того, кто сумел выпукло и похоже изобразить гнев и печаль в соответствии с достоинством вымышленного лица и одеть свои мысли в подходящие слова. Что мне с того, Боже мой, истинная Жизнь моя! Что мне с того, что мне за декламации мои рукоплескали больше, чем многим сверстникам и соученикам моим? Разве все это не дым и ветер? Не было разве других тем, чтобы упражнять мои способности и мой язык? Славословия Тебе, Господи, славословия Тебе из Писания Твоего должны были служить опорой побегам сердца моего! Его не схватили бы пустые безделки, как жалкую добычу крылатой стаи. Не на один ведь лад приносится жертва ангелами-отступниками.

XVIII

28

Удивительно ли, что меня уносило суетой и я уходил от Тебя, Господи, во внешнее? Мне ведь в качестве примера ставили людей, приходивших в замешательство от упреков в варваризме или солицизме, допущенном ими в сообщении о своем хорошем поступке, и гордившихся похвалами за рассказ о своих похождениях, если он был велеречив и украшен, составлен в словах верных и правильно согласованных. Ты видишь это, Господи, и молчишь, «долготерпеливый, многомилостивый и справедливый». Всегда ли будешь молчать? И сейчас вырываешь Ты из этой бездонной пропасти душу, ищущую Тебя и жаждущую улады Твоей, человека, «чье сердце говорит Тебе: я искал лица Твоего; лицо Твое, Господи, я буду искать» [Пс 102:8; 83:13; 26:8]. Далеко от лица Твоего был я, омраченный страстью. От Тебя ведь уходят и к Тебе возвращаются не ногами и не в пространстве. Разве Твой младший сын искал для себя лошадей, повозку или корабль? Разве он улетел на видимых крыльях или отправился в дорогу пешком, чтобы, живя в дальней стороне, расточить и растратить состояние, которое Ты дал ему перед уходом? Ты дал его, нежный Отец, и был еще нежнее к вернувшемуся нищему. Он жил в распутстве, то есть во мраке страстей, а это и значит быть далеко от лица Твоего.

29

Посмотри, Господи, и терпеливо, как Ты и смотришь, посмотри, как тщательно соблюдают сыны человеческие правила, касающиеся букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров речи, и как пренебрегают они от Тебя полученными непреложными правилами вечного спасения. Если человек, знакомый с этими старыми правилами относительно звуков или обучающий им, произнесет, вопреки грамматике, слово *homo* без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека. Ужели любой враг может оказаться опаснее, чем сама ненависть, бушующая против этого врага? Можно ли, преследуя другого, погубить его страшнее, чем губит вражда собственное сердце? И конечно, знание грамматики живет не глубже в сердце, чем запечатленное в нем сознание, что ты делаешь другому то, чего сам терпеть не пожелаешь. Как далекий Ты, обитающий на высотах в молчании, Господи, Единый, Великий, посылающий по неусыпному закону карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек в погоне за славой красноречивого оратора перед человеком-судьей, окруженный толпой людей, пре-

следует в бесчеловечной ненависти врага своего, он всячески остерегается обмолвки «среди людей» и вовсе не остережется в неистовстве своем убрать человека из среды людей.

XIX

30

Вот на пороге какой жизни находился я, несчастный, и вот на какой арене я упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем остеречься от зависти к тем, кто его не допустил, когда допустил я. Говорю Тебе об этом, Господи, и исповедую пред Тобой, за что хвалили меня люди, одобрение которых определяло для меня тогда пристойную жизнь. Я не видел пучины мерзостей, в которую «был брошен прочь от очей Твоих» [Пс 30:23]. Как я был мерзок тогда, если даже этим людям доставлял неудовольствие, без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничания. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить мальчикам, продававшим мне свои игрушки, хотя и для них они были такую же радостью, как и для меня. В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жаждой превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал.

И это детская невинность? Нет, Господи, нет! Позволь мне сказать это, Боже мой. Все это одинаково: в начале жизни – воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробы; когда же человек стал взрослым – префекты, цари, золото, поместья, рабы – в сущности, все это одно и то же, только линейку сменяют тяжелые наказания. Когда Ты сказал, Царь наш: «Таковых есть Царство Небесное» [Мф 19:14], Ты одобрил смирение, символ которого – маленькая фигурка ребенка.

XX

31

И все же, Господи, совершеннейший и благой Создатель и Правитель вселенной, благодарю Тебя, даже если бы Ты захотел, чтобы я не вышел из детского возраста. Я был уже тогда, я жил и чувствовал; я заботился о своей сохранности – след таинственного единства, из которого я возник. Движимый внутренним чувством, я оберегал в сохранности свои чувства: я радовался истине в своих ничтожных размышлениях и по поводу ничтожных предметов. Я не хотел попадать впросак, обладал прекрасной памятью, учился владеть речью, умилялся дружбе, избегал боли, презрения, невежества. Что не заслуживает удивления и похвалы в таком существе?

И все это дары Бога моего; не сам я дал их себе; все это хорошо, и все это – я. Благо, следовательно, Тот, Кто создал меня, и Сам Он благо мое, и, ликуя, благодарю я Его за все блага, благодаря которым я существовал с детского возраста. Грешил же я в том, что искал наслаждения, высоты и истины не в Нем Самом, а в созданиях Его: в себе и в других – и таким образом впадал в страдания, смуту и ошибки.

Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя, Боже мой; благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне. Так сохранишь Ты меня, и то, что Ты дал мне, увеличится и усовершится, и сам я буду с Тобой, ибо и самую жизнь Ты даровал мне.

Книга вторая

I

1

Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы возлюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. Обрадуй меня, Господи, Радость неложная, Радость счастья и безмятежности, собери меня, в рассеянии и раздробленности своей отвратившегося от Тебя, Единого, и потерявшегося во многом. Когда-то в юности горело сердце мое насытиться адом, не убоялась душа моя густо зарости бурьяном темной любви, истаяла красота моя, и стал я гнилью пред очами Твоими, – нравясь себе и желая нравиться очам людским.

II

2

Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюсти меру, остановясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний и бывшей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглюю похоти уже не различался ясный свет привязанности. Обе кипели, сливаясь вместе, увлекали неокрепшего юношу по крутизнам страстей и погружали его в бездну пороков.

Возобладал надо мною гнев Твой, а я и не знал этого. Оглох я от звона цепи, наложенной смертностью моей, наказанием за гордость души моей. Я уходил все дальше от Тебя, и Ты позволял это; я метался, растрчивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем, и Ты молчал. О, поздняя Радость моя! Ты молчал тогда, и я уходил все дальше и дальше от Тебя, в гордости падения и беспокойной усталости выращивая богатый посев бесплодных печалей.

3

Кто упорядочил бы скорбь мою, обратил бы мне на пользу ускользящую прелесть всякой новизны, поставил бы предел моим увлечениям? Пусть бы о берег супружеской жизни разбилась буря моего возраста, и, если уж не может в нем быть покоя, пусть бы удовлетворился я рождением детей, согласно предписаниям закона Твоего, Господи! Ты создаешь потомство нам, смертным, и можешь ласковой рукой обломать острые колючки, которые не растут в раю Твоем. Недалеко от нас всемогущество Твое, даже если мы далеко от Тебя. Если бы внимательнее прислушался я к голосу облаков Твоих: «Будут иметь скорби по плоти, и Я избавлю вас от них», и «хорошо человеку не касаться женщины», и «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене». К этим словам внимательнее бы прислушаться! Оскопленный ради Царства Небесного, я, счастливый, ожидал бы объятий Твоих.

4

Страсти кипели во мне, несчастном; увлеченный их бурным потоком, я оставил Тебя, я преступил все законы Твои и не ушел от бича Твоего; а кто из смертных ушел? Ты всегда около, милосердный в жестокости, посыпавший горьким-горьким разочарованием все недозволенные радости мои, – да ищу радость, не знающую разочарования. Только в Тебе и мог бы я найти

ее, только в Тебе, Господи, Который создаешь печаль в поучение, поражаешь, чтобы излечить, убиваешь, чтобы мы не умерли без Тебя.

Где был я? Как далеко скитался от счастливого дома Твоего в этом шестнадцатилетнем возрасте моей плоти, когда надо мною подъяла скипетр свой целиком меня покорившая безумная похоть, людским неблагообразием дозволенная, законами Твоими не разрешенная. Мои близкие не позаботились подхватить меня, падающего, и оженить; их заботило только, чтобы я выучился как можно лучше говорить и убеждать своей речью.

III

5

На этот год занятия мои, впрочем, были прерваны: я вернулся из Мадавры, соседнего города, куда было переехал для изучения литературы и ораторского искусства; копили деньги для более далекой поездки в Карфаген, которой требовало отцовское честолюбие и не позволяли его средства: был он в Тагасте человеком довольно бедным. Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но пред Тобою рассказываю семье моей, семье людской, как бы ничтожно ни было число тех, кому попадет в руки эта книга. И зачем? Конечно, чтобы я и всякий читающий подумали, «из какой бездны приходится взывать к Тебе» [Пс 129:1–2]. А что ближе ушей Твоих к сердцу, которое исповедуется Тебе и живет по вере Твоей?

Кто не превозносил тогда похвалами моего земного отца за то, что он тратился на сына сверх своих средств, предоставляя ему даже возможность далеко уехать ради учения. Очень многие, гораздо более состоятельные горожане не делали для детей своих ничего подобного. И в то же время этот отец не обращал никакого внимания, каким расту я пред Тобою и пребываю ли в целомудрии, – лишь бы только в красноречии был я прославлен, вернее, оставлен попечением Твоим, Господи, единственный, настоящий и добрый хозяин нивы Твоей, моего сердца.

6

В шестнадцатилетнем возрасте своем, прервав по домашним обстоятельствам школьные занятия, жил я вместе с родителями на досуге, ничего не делал, и колючая чаща моих похотей разрослась выше головы моей; не было руки выкорчевать ее. Наоборот, когда отец мой увидел в бане, что я мужаю, что я уже в одежде юношеской тревоги, он радостно сообщил об этом матери, словно уже мечтая о будущих внуках, радуясь опьянению, в котором этот мир забывает Тебя, Создателя своего, и вместо Тебя любит творение Твое, упиваясь невидимым вином извращенной, клонящейся вниз воли. В сердце матери моей, однако, Ты основал храм Свой и положил основание святой обители Твоей; отец мой был только оглашенным, и то с недавних пор. Она же была вне себя от благочестивого волнения и страха: хотя я еще не был окрещен, но она боялась для меня кривых путей, по которым ходят те, кто поворачивается к Тебе спиной, а не лицом.

7

Горе мне! И я осмеливаюсь говорить, что Ты молчал, Господи, когда я уходил от Тебя! Разве так молчат?! Кому как не Тебе принадлежали слова, которые через мою мать, верную служанку Твою, твердил Ты мне в уши? Ни одно из них не дошло до сердца моего, ни одного из них я не послушался. Мать моя хотела, чтобы я не распутничал, и особенно боялась связи с замужней женщиной, – я помню, с каким беспокойством уговаривала она меня наедине. Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать. Ты через нее обращался ко мне, и в ней презрел я Тебя, я, ее сын, «сын служанки Твоей, раб Твой» [Пс 113:7]. Я не знал этого и стремглав катился вниз, ослепленный настолько, что мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочности. Я слушал их хвастовство своими преступлениями; чем они были мерзее, тем больше они хвастались собой. Мне и распутничать нравилось не только

из любви к распутству, но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором мог бы я сравняться с другими негодьями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за мое целомудрие.

8

Вот с какими товарищами разгуливал я по площадям «Вавилона» и валялся в его грязи, словно в кинамоне и драгоценных благоуханиях. И чтобы я крепче завяз в самой трясине его, втапывал меня туда невидимый враг, не прекращая соблазнов своих. А меня легко было соблазнить. И та, которая уже «бежала из середины Вавилона» [Иер 31:6] и медленно шла по окраинам его, моя мать по плоти, уговаривавшая меня соблюдать чистоту, не позаботилась, однако, обуздать супружеской привязанностью то, о чем услышала от мужа, если уж нельзя было вырезать это до живого мяса. А губительность этого в те дни и опасность в дальнейшем она понимала. Она не позаботилась о моей женитьбе из боязни, как бы брачные колодки не помешали осуществиться надеждам, – не тем надеждам на будущую жизнь, возлагаемым на Тебя матерью, но надеждам на успехи в науках, изучить которые я должен был по горячему желанию и отца и матери: отец хотел этого потому, что о Тебе у него почти не было мыслей, а обо мне были пустые; мать же считала, что эти занятия в будущем не только не принесут мне вреда, но до некоторой степени и помогут найти Тебя. Так я догадываюсь, раздумывая по мере сил над характером моих родителей. Мне даже предоставили в моих забавах большую свободу, чем это требовалось разумной строгостью, и я без удержу предавался различным страстям, которые мглою своею закрывали от меня, Господи, сияние истины Твоей, и возросла, словно на тучной земле, неправда моя.

IV

9

Воровство, конечно, наказывается по закону Твоему, Господи, и по закону, написанному в человеческом сердце, который сама неправда уничтожить не может. Найдется ли вор, который спокойно терпел бы вора? И богач не терпит человека, принужденного к воровству нищетою. Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а от отвращения к справедливости и от объедения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом.

По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительными ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь; по губительному обычаю наши уличные забавы затягивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен. Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть скажет Тебе сейчас сердце мое, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была ведь только моя испорченность. Она была гадка, и я любил ее; я любил погибель; я любил падение свое; не то, что побуждало меня к падению; самое падение свое любил я, гнусная душа, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, ищущая желанного не путем порока, но ищущая самый порок.

V

Есть своя прелесть в красивых предметах, в золоте, серебре и прочем; только взаимная приязнь делает приятным телесное прикосновение; каждому чувству говорят воспринимаемые им особенности предметов. В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе. Нельзя, однако, в погоне за всем этим отходить от Тебя, Господи, и удаляться от закона Твоего. Жизнь, которой мы живем здесь, имеет свое очарование: в ней есть некое свое благолепие, соответствующее всей земной красоте. Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам покидает Лучшее и Наивысшее, Тебя, Господи, Боже наш, правду Твою и закон Твой. В этих низших радостях есть своя услада, но не такая, как в Боге моем, Который создал все, ибо в Нем наслаждается праведник [Пс 63:11] и Сам Он наслаждение для праведных сердцем.

11

Итак, когда спрашивают, по какой причине совершено преступление, то обычно она представляется вероятной только в том случае, если можно обнаружить или стремление достичь какое-либо из тех благ, которые мы назвали низшими, или же страх перед их потерей. Они прекрасны и почетны, хотя по сравнению с высшими, счастливыми человека, презренны и низменны. Он убил человека. Почему? Он влюбился в его жену, или ему понравилось его имение; он хотел его ограбить, чтобы на это жить; он боялся, что тот нанесет ему крупные потери; он был обижен и горел желанием отомстить. Разве совершил бы человек убийство без причины, из наслаждения самим убийством? Кто этому поверит? Даже для того жестокого безумца, о котором сказано, что он был зол и жесток просто так себе, без всяких оснований, приведена причина: «Рука и душа не должны становиться вялыми от бездействия». В чем дело? Почему? Чтобы, совершая преступление за преступлением, получить по взятии города почести, власть, богатство; чтобы не бояться законов и не жить в затруднительных обстоятельствах, нуждаясь и сознавая свои преступления. Сам Катилина, следовательно, не любил преступлений своих и, во всяком случае, совершал их ради чего-то.

VI

12

Что же было мне, несчастному, мило в тебе, воровство мое, ночное преступление мое, совершенное в шестнадцатилетнем возрасте? Ты не было прекрасно, будучи воровством; представляешь ли ты вообще нечто, о чем стоило бы говорить с Тобой? Прекрасны были те плоды, которые мы украли, потому что они были Твоим созданием, прекраснейший из всех, Творец всего, благий Господи, Ты, высшее благо и истинное благо мое; прекрасны были те плоды, но не их желала жалкая душа моя. У меня в изобилии были лучшие: я сорвал их только затем, чтобы украсть. Сорванное я бросил, отведав одной неправды, которой радостно наслаждался. Если какой из этих плодов я и положил себе в рот, то приправой к нему было преступление. Господи Боже мой, я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни; нет красоты звезд, украшающих места свои; красоты земли и моря, полных созданиями, сменяющимися друг друга в рождении и смерти; в нем нет даже той ущербной и мнимой привлекательности, которая есть в обольщающем пороке.

13

И гордость ведь прикидывается высотой души, хотя Ты один возвышаешься над всеми, Господи. Разве честолюбие не ищет почестей и славы? Но Тебя одного надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая власть хочет внушить страх – но кого следует бояться, кроме одного Бога? Что можно вырвать или спрятать от Его власти? Когда, где, каким

образом, с чьей помощью? И нежность влюбленного ищет ответной любви – но нет ничего нежнее Твоего милосердия, и нет любви спасительнее, чем любовь к правде Твоей, которая прекраснее и светлее всего в мире. И любознательность, по-видимому, усердно ищет знания – но Ты один обладаешь полнотой его. Даже невежество и глупость прикрываются именами простоты и невинности – но ведь ничего нельзя найти проще Тебя. Что невиннее Тебя? – ведь злым на горе обращаются и собственные дела их. Лень представляется желанием покоя – но только у Господа верный покой. Роскошь хочет называться удовлетворенностью и достатком. Ты – полнота и неиссякающее изобилие сладости, не знающей ущерба. Расточительность принимает вид щедрости – но ведь все блага в избытке раздаешь Ты. Скупость хочет владеть многим; Ты владеешь всем. Зависть ведет тяжбу за превосходство – что превосходит Тебя? Гнев ищет мести – кто отомстит справедливее Тебя? Страх, боясь необычной и внезапной беды, заранее старается обеспечить безопасность тому, что любит. Что для Тебя необычно? Что внезапно? Кто сможет отнять от Тебя то, что Ты любишь? И где, кроме Тебя, полная безопасность? Люди убиваются в печали, потеряв то, чем наслаждалась их жадность, которая не хочет ничего терять, – но только от Тебя нельзя ничего отнять.

14

Так блудит душа, отвратившаяся от Тебя и вне Тебя ищущая то, что найдет чистым и беспримесным, только вернувшись к Тебе. Все, кто удаляется от Тебя и поднимается против Тебя, уподобляются Тебе в искаженном виде. Но даже таким уподоблением они свидетельствуют о том, что Ты Творец всего мира, и поэтому уйти от Тебя вообще некуда.

Итак, что же было мне мило в том воровстве? И в чем искаженно и извращенно уподоблялся я Господу моему? Или мне было приятно хотя бы обмануть закон, раз уж я не мог сокрушить его в открытую, и я, как пленник, создавал себе куцее подобие свободы, безнаказанно занимаясь тем, что было запрещено, теша себя тенью и подобием всемогущества? Вот раб, убегающий от господина своего и настигший тень. О тлен, о ужас жизни, о глубина смерти! Может ли быть любезно то, что запретно, и только потому, что оно запретно?

VII

15

«Что воздам Господу» [Пс 113:3] из того, что собрала память моя и перед чем не утрашилась бы душа моя? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую Имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько злого и преступного! По милости Твоей и по милосердию Твоему растопил Ты грехи мои как лед. По милости Твоей Ты не допустил меня совершить некоторых злодеяний – а чего бы я не наделал, я, бескорыстно любивший преступление? И я свидетельствую, что все отпущено мне: и то зло, которое совершил я по своей воле, и то, которого не совершил, руководимый Тобою. Кто из людей, раздумывая над своей немощью, осмелится приписать свое целомудрие и невинность собственным силам и станет меньше любить Тебя – будто ему не нужно Твоего милосердия, по которому отпускаешь Ты грехи обратившимся к Тебе? И пусть человек, которого Ты призвал и который, последовав за голосом Твоим, избежал того, о чем он прочтет в моих воспоминаниях и в моих признаниях, не смеется надо мною: меня ведь, больного, вылечил Тот Врач, Который не дал ему захворать или, вернее, не дал захворать так сильно. Пусть за это он возлюбит Тебя в такой же мере, нет, даже больше. Ибо он увидит, Кто избавил меня от таких недугов греха, и увидит, что это Тот же, благодаря Которому он не запутался в таких же недугах греха.

VIII

16

Что извлек я, несчастный, из того, вспоминая о чем я сейчас краснею, особенно из того воровства, в котором мне было мило само воровство, и ничто другое? Да и само по себе оно было ничто, а я от этого самого был еще более жалок. И однако, насколько я помню мое тогдашнее состояние духа, я один не совершил бы его; один я никак не совершил бы его. Следовательно, я любил здесь еще сообщество тех, с кем воровал. Я любил, следовательно, кроме воровства еще нечто, но и это нечто было ничем. Что же на самом деле? Кто научит меня, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает тени его? Зачем приходит мне в голову спрашивать, обсуждать и раздумывать? Ведь если бы мне нравились те плоды, которые я украл, и мне хотелось бы ими наестся, если бы мне достаточно было совершить это беззаконие ради собственного наслаждения, то я мог бы действовать один. Нечего было разжигать зуд собственного желания, расчесывая его о соучастников. Наслаждение, однако, было для меня не в тех плодах; оно было в самом преступлении и создавалось сообществом вместе грешивших.

IX

17

Что это было за состояние души? Конечно, оно было очень гнусно, и горе мне было, что я переживал его. Что же это, однако, было? «Кто понимает преступления?» [Пс 18:13] Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу, потому что обманывали тех, кто и не подумал бы, что мы можем воровать, и горячо этому бы воспротивился. Почему же я наслаждался тем, что действовал не один? Потому ли, что наедине человек нелегко смеется? Нелегко, это верно, и, однако, иногда смех овладевает людьми в полном одиночестве, когда никого другого нет, если им представится или вспомнится что-нибудь очень смешное. А я один не сделал бы этого, никак не сделал бы один. Вот, Господи, перед Тобой живо припоминаю я состояние свое. Один бы я не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать. О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и в забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, без всякой жажды отомстить, а просто потому, что говорят: «пойдем, сделаем», и стыдно не быть бесстыдным.

X

18

Кто разберется в этих запутанных извивах? Они гадки: я не хочу останавливаться на них, не хочу их видеть. Я хочу Тебя, Справедливость и Невинность, прекрасная честным Светом Своим, насыщающая без пресыщения. У Тебя великий покой и жизнь безмятежная. Кто входит в Тебя, входит в «радость господина своего» [Мф 23:21], и не убоится, и будет жить счастливо в полноте блага. Я в юности отпал от Тебя, Господи, я скитался вдали от твердыни Твоей и сам стал для себя областью нищеты.

Книга третья

I

1

Я прибыл в Карфаген: кругом меня котлом кипела позорная любовь. Я еще не любил и любил любить и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек. Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезговал.

Поэтому не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные. Но если бы в них не было души, их, конечно, нельзя было бы полюбить.

Любить и быть любимым было мне сладостнее, если я мог овладеть возлюбленной. Я мучил источник дружбы грязью похоти; я туманил ее блеск адским дыханием желания. Гадкий и бесчестный, в безмерной суетности своей я жадно хотел быть изысканным и светским. Я ринулся в любовь, я жаждал ей отдаться. Боже мой милостивый, какой желчью поливал Ты мне, в благодати Твоей, эту сладость. Я был любим, я тайком пробирался в тюрьму наслаждения, весело надевал на себя путы горестей, чтобы секли меня своими раскаленными железными розгами ревность, подозрения, страхи, гнев и ссоры.

II

2

Меня увлекали театральные зрелища, они были полны изображениями моих несчастий и служили разжигой моему огню. Почему человек хочет печалиться при виде горестных и трагических событий, испытать которые он сам отнюдь не желает? И тем не менее он, как зритель, хочет испытывать печаль, и сама эта печаль для него наслаждение. Удивительное безумие! Человек тем больше волнуется в театре, чем меньше он сам застрахован от подобных переживаний, но когда он мучится сам за себя, это называется обычно страданием; когда мучится вместе с другими – состраданием. Но как можно сострадать вымыслам на сцене? Слушателя ведь не зовут на помощь; его приглашают только печалиться, и он тем благосклоннее к автору этих вымыслов, чем больше печалится. И если старинные или вымышленные бедствия представлены так, что зритель не испытывает печали, то он уходит, зевая и бранясь; если же его заставили печалиться, то он сидит, поглощенный зрелищем, и радуется.

3

Слезы, следовательно, и печали любезны? Каждый человек, конечно, хочет радоваться. Страдать никому не хочется, но хочется быть сострадательным, а так как нельзя сострадать, не печалясь, то не это ли и есть единственная причина, почему печаль любезна? Сострадание вытекает из источника дружбы. Но куда он идет? Куда течет? Зачем впадает он в поток кипящей смолы, в свирепый водоворот черных страстей, где сам, по собственному выбору, меняется, утрачивает свою небесную ясность, забывает о ней. Итак, прочь сострадание? Ни в коем случае! Да будут печали иногда любезны. Берегись, однако, скверны, душа моя, ты, находящаяся под покровом Бога отцов наших, до-стохвального и превозносимого во все века [Дан 3:32]; берегись скверны.

И теперь я доступен состраданию, но тогда, в театре, я радовался вместе с влюбленными, когда они наслаждались в позоре, хотя все это было только вымыслом и театральной игрой. Когда же они теряли друг друга, я огорчился вместе с ними, как бы сострадав им, и в обоих случаях наслаждался, однако. Теперь я больше жалею человека, радующегося на позор себе, чем того, кто вообразил, что жестоко страдает, лишившись губительного наслаждения и утратив жалкое счастье. Это, конечно, настоящее сострадание, но при нем печаль не доставляет удовольствия. Хотя человека, опечаленного чужим несчастьем, одобряют за эту службу любви, но, по-настоящему милосердный, он предпочел бы не иметь причины для своей печали. Если существует зложелательная благожелательность – что невозможно, – тогда и человек, исполненный искреннего и настоящего сострадания, мог бы пожелать, чтобы были страдальцы, которым бы он сострадал. Бывает, следовательно, скорбь, заслуживающая одобрения; нет ни одной, заслуживающей любви. Господи Боже, любящий души, Твое сострадание неизмеримо чище нашего и неизменнее именно потому, что никакая печаль не может уязвить Тебя. «А кто способен к этому?» [2 Кор 2:6]

4

Но я тогда, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали: игра актера, изображавшего на подмостках чужое, вымышленное горе, больше мне нравилась и сильнее меня захватывала, если вызывала слезы. Что же удивительного, если я, несчастная овца, отбившаяся от Твоего стада, не терпевшая охраны Твоей, опаршивел мерзкой паршой? Потому-то и была мила мне печаль – не та, которая проникает до глубины души: мне ведь не нравилось терпеть то, на что я любил смотреть, – рассказ о вымышленных страданиях как бы скреб мою кожу, и, как от расчесывания ногтями, начиналось воспаление и отвратительная гнойная опухоль. Такова была жизнь моя. Господи: жизнью ли была она?

III

5

И надо мною, окружая меня, витало далекое и верное милосердие Твое. Гноем какой неправды не был я покрыт! Кошунственным было любопытство мое: покинул я Тебя и дошел до бездны неверности, до обманчивого угождения демонам, в жертву которым приносил злые дела свои. И за каждое из них бичевал Ты меня!

Я осмелился даже во время совершения службы Твоей в церковных стенах гореть желанием и улаживать дело, верным доходом с которого была смерть: за это поразил Ты меня тяжелым наказанием, но оно было ничем сравнительно с виною моей. О ты, великий в милосердии своем, Господь мой, прибежище мое от грозных опасностей, среди которых бродил я, в гордой самоуверенности далеко уходя от Тебя; я любил пути свои, а не Твои, любил свободу, свободу беглого раба.

6

Тянули меня к себе и те занятия, которые считались почтенными: я мечтал о форуме с его тяжбами, где бы я блистал, а меня осыпали бы похвалами тем больше, чем искуснее я лгал. Такова слепота человеческая: слепотою своею люди хвалятся. Я был первым в риторской школе: был полон горделивой радости и надут спесью. Вел я себя, правда, гораздо спокойнее, Господи, Ты знаешь это, и вообще не принимал никакого участия в «опрокидываниях», которыми занимались «совратители» (это зловещее дьявольское имя служило как бы признаком утонченности). Я жил среди них, постыдно стыдясь, что сам не был таким; я бывал с ними, иногда мне было приятно с ними дружить, но поступки их всегда были мне отвратительны. Это было дерзкое преследование честных новичков, которых они сбивали с прямого пути, так себе, забавы ради, в насыщение своей злобной радости. Нет деяния, больше уподобляющегося деяниям дьявольским. Нельзя было назвать их вернее, чем «совратителями». Сначала они были

сами, конечно, совращены и развращены, соблазняемые втайне и осмеянные лживыми духами в самой любви своей к осмеянию и лжи.

IV

7

Живя в такой среде, я в тогдашнем моем неустойчивом возрасте изучал книги по красноречию, желая в целях предосудительных и легкомысленных, на радость человеческому тщеславию стать выдающимся оратором. Следуя установленному порядку обучения, я дошел до книжки какого-то Цицерона, языку которого удивляются все, а сердцу не так. Книга эта увещевает обратиться к философии и называется «Гортензий». Эта вот книга изменила состояние мое, изменила молитвы мои и обратила их к Тебе, Господи, сделала другими прошения и желания мои. Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении и начал вставать, чтобы вернуться к Тебе. Не для того, чтобы отточить свой язык (за это, по-видимому, платил я материнскими деньгами в своем девятнадцатилетнем возрасте; отец мой умер за два года до этого), не для того, чтобы отточить язык, взялся я за эту книгу: она учила меня не тому, как говорить, а тому, что говорить.

8

Как горел я, Господи, как горел я улететь к Тебе от всего земного. Я не понимал, что Ты делаешь со мною. «У Тебя ведь мудрость» [Иов 12:13]. Любовь к мудрости по-гречески называется философией; эту любовь зажгло во мне это сочинение.

Есть люди, которые вводят в заблуждение философией, которые прикрашивают и прихорашивают свои ошибки этим великим, ласковым и честным именем; почти все такие философы, современные автору и жившие до него, отмечены в этой книге и изобличены. Тут явно спасительное предупреждение, сделанное Духом Твоим через Твоего верного и благочестивого раба: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустыми обольщениями по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» [Кол 2:8–9].

В то время, Ты знаешь это, Свет моего сердца, мне не были еще известны эти слова апостола, и тем не менее я наслаждался этой книгой потому, что она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самую мудрость, какова бы она ни была; поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. Эта речь зажгла меня, я весь горел, и мой пыл ослабляло только одно: там не было имени Христа, а это имя по милосердию Твоему, Господи, это имя Спасителя моего, Твоего Сына, выпитал я с молоком матери: оно глубоко запало в мое детское сердце, и все произведения, где этого имени не было, пусть художественные, отделанные и полные истины, не захватывали меня целиком.

V

9

Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей темное: здание, окутанное тайной, с низким входом; оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни склонить голову, чтобы продвигаться дальше. Эти слова мои не соответствуют тому чувству, которое я испытал, взявшись за Писание: оно показалось мне недостойным даже сравнения с достоинством Цицеронова стиля. Моя кичливость не мирилась с его простотой; мое остроумие не проникало в его сердцевину. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того, как растет ребенок-читатель, но я презирал ребяческое состояние и, надутый спесью, казался себе взрослым.

VI

10

Так и попал я в среду людей, горделиво бредящих, слишком преданных плоти и болтливых. Речи их были сетями дьявольскими, птичьим клеем, состряпанным из смеси слогов, составляющих имена: Твое, Господа Иисуса Христа и Параклета, Утешителя нашего, Духа Святого. Эти имена не сходили у них с языка, оставаясь только словесным звоном и шумом: истина не жила у них в сердце. Они твердили: «истина, истина» – и много твердили мне о ней, но ее нигде у них не было. Они ложно учили не только о Тебе, который есть воистину Истина, но и об элементах мира, созданного Тобой; а мне следовало бы забросить даже тех философов, которые говорят об этом правильно, из любви к Тебе, Отец мой, высшее благо, краса всего прекрасного.

О, Истина, Истина! Из самой глубины души своей уже тогда я вздыхал по Тебе, и они постоянно звонили мне о Тебе, на разные лады, в словах, остававшихся только словами, и в горах толстых книг! Это были блюда, в которых мне, алчущему Тебя, подносили вместо Тебя солнце и луну, прекрасные создания Твои, но только создания Твои, не Тебя Самого, и даже не первые создания Твои – первенство принадлежит духовным созданиям Твоим, а не этим телесным, хотя они и светлы и находятся на небе.

Я алкал и жаждал, однако, и не их, первенствующих, а Тебя Самого, Истина, в которой «нет изменения, и ни тени перемены» [Иак 1:17]. Передо мною продолжали ставить эти блюда со сверкающими призраками; лучше было, конечно, любить это солнце, существующее в действительности для нашего глаза, чем эти выдумки для души, обманутой глазами. И однако, я ел эту пищу, думал, что Ты здесь: без удовольствия, правда, потому что я не чувствовал у себя на языке подлинного вкуса Твоего: Тебя не было в этих пустых измышлениях, и я от них не насыщался, а больше истощался. Еда во сне совершенно напоминает еду, которую ешь бодрствуя, но она не питает спящих, потому что они спят. Эти вымыслы ничем не напоминали Тебя, такого, какой сейчас говорил мне: это были призраки, те мнимые тела, подлиннее которых эти настоящие тела, которые мы видим нашим плотским зрением как на небе, так и на земле; их видят животные и птицы, и с ними вместе и мы их видим. Они подлиннее, чем образы их, составленные нами. И опять-таки эти образы подлиннее предположений, которые мы, исходя из них, начинаем строить о других телах, больших и бесконечных, но вообще не существующих. Я питался тогда этими бреднями и не мог напиться.

А Ты, любовь моя, в Котором немощь моя становится силой, Ты – не эти тела, которые мы видим, хотя они и на небе, и не те, которых мы там не видим, ибо Ты создал те и другие и не считаешь их среди высших Твоих созданий. Насколько же Ты далек от тех моих призраков, от тех призрачных тел, которых вообще не существует. Подлиннее их созданные нами образы существующих тел, а подлиннее этих образов сами тела, и, однако, они – не Ты, и Ты даже не душа, оживляющая тела, которая лучше и подлиннее тел. Ты жизнь душ, жизнь жизни, сама себя животворящая и неизменная, жизнь души моей.

11

Где же был Ты тогда для меня и далеко ли? Я скитался вдали от Тебя, и меня отогнали даже от стручков, которыми я кормил свиней. Насколько басни грамматиков и поэтов лучше, чем эти западни. Поэма в стихах о летящей Медее принесет, конечно, больше пользы, чем рассказ о пяти элементах, по-разному раскрашенных в виде пяти «пещер мрака», которые вообще не существуют, но которые губят уверовавшего. Стихи и поэмы я отношу к настоящей пище. Если я декламировал стихи о летящей Медее, то я никогда не уверял в истинности самого события; если я слушал такие стихи, я им не верил, а тому я поверил. Горе, горе, по каким ступеням свели меня в бездну ада, потому что, томясь по истине и не находя без нее покоя,

я искал Тебя, Боже мой (Тебе исповедуюсь, сжалившись надо мной еще тогда, когда я и не думал исповедоваться), я искал Тебя, руководствуясь не разумом, которым Ты захотел отличить меня от зверей, а руководствуясь телесными чувствами. Ты же был во мне глубже глубин моих и выше вершин моих. Я натолкнулся на ту дерзкую и безрассудную женщину из Соломоновой загадки, которая сидела в дверях на кресле и говорила: «Спокойно ешьте угаенный хлеб и пейте краденую вкусную воду». Она соблазнила меня, видя, что я живу вовне, завися от своего плотского зрения, и пережевываю пищу, которую она давала мне глотать [Притч 9:13–17].

VII

12

Я не знал другого – того, что есть воистину, и меня словно толкало считать остроумием поддакивание глупым обманщикам, когда они спрашивали меня, откуда зло, ограничен ли Бог телесной формой и есть ли у Него волосы и ногти, можно ли считать праведными тех, которые имели одновременно по нескольку жен, убивали людей и приносили в жертву животных. В своем невежестве я приходил от таких вопросов в замешательство и, уходя от истины, воображал, что иду прямо к ней. Я не знал еще тогда, что зло есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения. Что мог я тут увидеть, если глаза мои не видели ничего дальше тела, а душа дальше призраков? Я не знал тогда, что Бог есть Дух, у Которого нет членов, простирающихся в длину и в ширину, и нет величины: всякая величина в части своей меньше себя целой, а если она бесконечна, то в некоторой части своей, ограниченной определенным пространством, она меньше бесконечности и не является всюду целой, как Дух, как Бог. А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: «по образу Божию» [Быт 1:7], это было мне совершенно неизвестно.

13

И я не знал настоящей внутренней правды, которая судит не по обычаю, а по справедливейшему закону всемогущего Бога, определившему для отдельных стран и времен нравы и обычаи, соответствующие этим временам и странам, хотя сама она всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же. По ней праведны и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей, и Давид, и все те, кого восхвалили уста Господни. Неправедны они по суду людей непонимающих, судящих от сегодняшнего дня и меряющих нравственность всего человечества мерилom собственной нравственности. Так, человек, незнакомый с тем, куда какие доспехи надевать, захотел бы прикрыть голову поножами и обуться в шлем, а потом стал бы роптать на их непригодность; другой возмутился бы тем, что в послеполуденные часы, объявленные праздником, ему не разрешается выставлять товар на продажу, когда утром это было разрешено; третий, увидя, что в одном доме какой-то раб возится с предметами, дотронуться до которых не дозволено виночерпию, а за хлебом делается то, что запрещено перед столом, пришел бы в негодование, почему всем и повсюду не дозволено одно и то же, хотя тут и одно жилье, и одна рабская семья. Таковы и те люди, которые возмущаются, услышав, что в тот век праведникам разрешалось то, что в этом праведном не разрешено. Одним Бог заповедал одно, другим – другое, в соответствии с условиями времени, но и те и другие служили одной и той же правде: так, доспехи подходят тому же самому человеку, одни для одной части тела, другие для другой; в течение того же самого дня одним и тем же делом сейчас можно заниматься, а через час уже нельзя; в той же самой усадьбе в одном углу разрешено и приказано делать то, что в другом справедливо запрещено и подлежит наказанию. Значит, правда бывает разной и меняется? Нет, но время, которым она управляет, протекает разно: это ведь время. Люди, при своей кратковременной земной жизни, не в состоянии согласовать условий жизни прежних веков и других народов, условий им неизвестных, с тем, что им известно; когда дело касается одного человека, одного

дня или дома, то тут они легко могут усмотреть, что подходит для какой части тела, для какого часа, для какого отделения или лица: там они оскорблены, тут согласны.

14

Правды этого я тогда не понимал и не обращал на нее внимания; она со всех сторон бросалась мне в глаза, а я ее и не видел. Я декламировал стихи, и мне не дозволялось ставить любую стопу где угодно: в разных размерах это было по-разному и в любом стихе для каждой стопы было свое место. Метрика, учившая меня стихосложению, содержала все эти правила одновременно и не была в одном случае одной, а в другом другой. А я не постигал, что добрые и святые патриархи служили правде, включавшей в степени гораздо большей и более возвышенной одновременно все заповеди; ничуть не меняясь, она только заповедует разным временам не все свои заповеди сразу, а каждому то, что ему соответствует. И я, слепой, осуждал благочестивых патриархов, которые, по велению и внушению Божию, пользовались законами своего времени и возвещали, по откровению Божию, будущее

VIII

15

Разве когда-нибудь или где-нибудь было несправедливо «любить Бога всем сердцем и всей душой и всем разумением, и любить ближнего, как самого себя»? [Мф 22:37–39; Мк 12:30–31] И противоестественные грехи, например содомский, всегда и везде вызывали отвращение и считались заслуживающими наказания. Если бы все народы предавались ему, то подпали бы осуждению по божественному закону за это преступление, потому что Бог создал людей не для такого общения друг с другом. Тут нарушается общение, которое должно быть у нас с Богом, потому что природа, которой Он создатель, оскверняется извращенной похотью.

Нарушений людской нравственности, проступков, следует избегать, считаясь с различными требованиями этой нравственности. Прихоть гражданина или чужестранца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа: всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна. Если же Бог приказывает что-нибудь делать вопреки чьим бы то ни было нравам или установлениям, то это должно быть сделано, хотя бы там никогда так не делали. Если эту заповедь забыли, она должна быть возобновлена; если она не установлена, ее следует установить. Если царю в своем царстве дозволено отдавать приказания, которых ни до него никто, ни сам он раньше не отдавал, и повиновение ему не является действием против государства и общества – наоборот, именно неповиновение будет поступком противообщественным (ибо во всех людских обществах условлено повиноваться своему царю), то тем более надлежит, не ведая сомнения, подчиняться приказаниям Бога, царствующего над всем творением Своим. Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе большая власть поставляется над меньшей и эта последняя ей повинуетя.

16

Так же с преступлениями – когда жаждут нанести вред, обидев человека или причинив ему несправедливость: враг желает отомстить врагу; разбойник грабит путешественника, чтобы поживиться на чужой счет; страшного человека убивают, боясь от него беды; бедняк – богача из зависти; человек преуспевающий – соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что он уже ему равен; из одного наслаждения чужой бедой – примером служат зрители на гладиаторских играх, насмешники и издеватели. Все это побег от греха, которые пышно разрастаются от страсти первенствовать, видеть и наслаждаться, овладевает ли человеком одна из них, две или все три разом. И жизнь проходит во зле, в пренебрежении «десятиструнной псалтирю». Десятисловием Твоим в его трех и семи заповедях, Боже вышний и сладостнейший. Но что значат проступки для Тебя, Который не может стать хуже? Какие преступления можно совершить против Тебя, Которому нельзя повредить? Ты наказываешь людей

за то, что они совершают по отношению к себе самим: даже греша перед Тобою, они являются святотатцами перед душой своей, портя и извращая природу свою, которую Ты создал благообразною. Неумеренно пользуясь дозволенным или горя противоестественным желанием недозволенного; уличенные в том, что неистовствуют против Тебя в мыслях и в словах, они «идут против рожна» [Деян 9:3]; порвав с человеческим обществом, они дерзко радуются своим замкнутым кружкам и разрыву с людьми, завися от своих привязанностей и своей неприязни.

И все это происходит, когда покидают Тебя, Источник жизни, единый истинный Творец и Правитель единого целого, и в личной гордости прилепляются к одной части, к мнимому единству. Смирненное благочестие – вот дорога, которой возвращаются к Тебе, и ты очищаешь нас от злых навыков; снисходишь к грехам исповедующихся, слышишь вопли окованных и разрешаешь нас от цепей, которые мы сами надели на себя, – но только если мы не воздвигаем против Тебя рог лживой свободы [Пс 74:3–6], жадно стремясь получить больше, с риском упустить все; любя больше наше собственное, чем Тебя, общее Благо.

IX

17

Среди проступков, преступлений и столь много- численных беззаконий имеются и грехи преуспевающих в добром. Справедливые судьи и порицают их во имя закона о таком преуспевании, но и хвалят как траву молодых всходов в надежде на хороший урожай. Есть некоторые действия, напоминающие проступок или преступление, и тем не менее это не грехи, потому что они не оскорбляют ни Тебя, Господи Боже наш, ни общества: человек, например, добыл для себя некоторые предметы, соответствующие и его образу жизни, и времени, но, может быть, из страсти к приобретению? Желая кого-то исправить, наказывают его, пользуясь своей законной властью, но, может быть, из страсти причинить вред?

Есть много поступков, на которые люди смотрят неодобрительно и которые одобрены свидетельством Твоим; много таких, которых люди хвалят и которые осуждены по свидетельству Твоему. Разными бывают и видимость поступка, и чувства совершившего, и тайное сцепление обстоятельств.

Когда же Ты вдруг даешь заповедь, непривычную и неожиданную, повелевающую делать даже то, что некогда Тобой запрещалось, и временно держишь втайне причину Твоего повеления, хотя оно противоречит установлениям данного людского общества, – кто усомнится, что его должно выполнить, ибо только то человеческое общество, которое служит Тебе, праведно? Блаженны те, которые знают, что эти повеления отданы Тобой. Ибо все делается Твоими слугителями, дабы показать, что нужно в данный час и что в предвозвестие будущего.

X

18

Не зная этого, я смеялся над этими святыми слугами и пророками Твоими. К чему привел этот

смех? Только к тому, что Ты насмеялся надо мной: постепенно и потихоньку меня довели до абсурдной веры, например, в то, что винная ягода, когда ее срывают, и дерево, с которого она сорвана, плачут слезами, похожими на молоко. Если какой-то «святой» съест эту винную ягodu, сорванную, конечно, не им самим, а чужой преступной рукой, и она смешается с его внутренностями, то он выдохнет из нее за молитвой, вздыхая и рыгая, ангелов или, вернее, частички Божества: эти частички истинного и высшего Божества так и остались бы заключенными в винной ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками.

И я, жалкий, верил, что надо быть жалостливее к земным плодам, чем к людям, для которых они растут. И если бы голодный – не манихей – попросил есть, то, пожалуй, за каждый кусок стоило бы наказывать смертной казнью.

XI

19

И Ты простер руку Твою с высоты и «извлек душу мою» [Пс 143:7] из этого глубокого мрака, когда мать моя, верная твоя служанка, оплакивала меня перед Тобою больше, чем оплакивают матери умерших детей. Она видела мою смерть в силу своей веры и того духа, которым обладала от Тебя, – и Ты услышал ее, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез, потоками орошавших землю в каждом месте, где она молилась; Ты услышал ее. Откуда, в самом деле, был тот сон, которым Ты утешил ее настолько, что она согласилась жить со мною в одном доме и сидеть за одним столом? В этом ведь было мне отказано из отвращения и ненависти к моему кощунственному заблуждению. Ей приснилось, что она стоит на какой-то деревянной доске и к ней подходит сияющий юноша, весело ей улыбаясь; она же в печали и сокрушена печалью. Он спрашивает ее о причинах ее горести и ежедневных слез, причем с таким видом, будто хочет не разузнать об этом, а наставить ее. Она отвечает, что скорбит над моей гибелью; он же велел ей успокоиться и посоветовал внимательно посмотреть: она увидит, что я буду там же, где и она. Она посмотрела и увидела, что я стою рядом с нею на той же самой доске.

Откуда этот сон? Разве Ты не преклонил слуха Своего к сердцу ее? О Ты, благий и всемогущий, Который заботишься о каждом из нас так, словно он является единственным предметом Твоей заботы, и обо всех так, как о каждом!

20

Почему, когда она рассказала мне это видение и я попытался притянуть свое объяснение: скорее, ей нечего отчаиваться в том, что она будет там же, где был я, – она ответила сразу же безо всякого колебания: «Нет, мне ведь не было сказано: „Где он, там и ты“, а „Где ты, там и он“»??

Исповедуюсь Тебе, Господи: насколько я могу припомнить – а я часто вспоминал и рассказывал об этом сне – этот ответ Твой через мою неусыпно заботливую мать; то, что она не смутилась моим лживым, но столь вероятным объяснением и сразу увидела то, что надо было увидеть и чего я, понимаю, не видел до ее слов, – все это потрясло меня даже больше, чем самый сон, в котором благочестивой женщине задолго вперед предсказана была будущая радость в утешение нынешней скорби. Прошло еще десять лет, в течение которых я валялся в этой грязной бездне и во мраке лжи; часто пытался я встать и разбивался еще сильнее, а между тем эта чистая вдова, благочестивая и скромная, такая, каких Ты любишь, ободренная надеждой, но неумолчная в своем плаче и стенаниях, продолжала в часы всех своих молитв горевать обо мне перед Тобой, Господи, «и пришли пред лицо Твое молитвы ее» [Пс 87:3], хотя Ты и допустил еще, чтобы меня кружило и закружило в этой мгле.

XII

21

Ты дал тем временем и другой ответ, который я держу в памяти. Много я пропускаю, потому что тороплюсь перейти к тому, что настоятельно требует исповеди перед Тобой, а многого я и не помню. Другой ответ свой дал Ты через Твоего священнослужителя, одного епископа, вскормленного Церковью и начитанного в книгах Твоих. Когда мать моя упрашивала его удостоить меня своей беседы, опровергнуть мои заблуждения, отучить от зла и научить добру (он поступал так с людьми, которых находил достойными), то он отказался, что

было, насколько я сообразил впоследствии, конечно, разумно. Он ответил, что я заупрямлюсь, потому что ересь для меня внове, я горжусь ею и уже смутил многих неопытных людей некоторыми пустячными вопросами, как она сама ему рассказала. «Оставь его там и только молись за него Богу: он сам, читая, откроет, какое это заблуждение и какое великое нечестие». И он тут же рассказал, что его мать соблазнили манихеи и она еще мальчиком отдала его им; что он не только прочел все их книги, но даже их переписывал и что ему открылось безо всяких обсуждений и уговоров, как надо бежать от этой секты; он и бежал.

Когда он рассказал об этом, мать моя все-таки не успокоилась и продолжала еще больше настаивать, моля и обливаясь слезами, чтобы он увиделся со мной и поговорил. Тогда он с некоторым раздражением и досадой сказал: «Ступай, как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет».

В разговорах со мной она часто вспоминала, что приняла эти слова так, как будто они прозвучали ей с неба.

Книга четвертая

I

1

В течение этих девяти лет, от девятнадцатого до двадцать восьмого года жизни моей, я жил в заблуждении и вводил в заблуждение других, обманывался и обманывал разными увлечениями своими: открыто – обучением, которое зовется «свободным», втайне – тем, что носило обманное имя религии. Там была гордость, здесь суеверие, и всюду – пустота. Там я гнался за пустой известностью, за рукоплесканиями в театре, на стихотворных состязаниях в борьбе ради венков из травы, там увлекался бессмысленными зрелищами и безудержным разгулом; тут, стремясь очиститься от этой грязи, подносил так называемым святым и избранным пищу, из которой они в собственном брюхе мастерили ангелов и богов для нашего освобождения. И я был ревностным последователем всего этого и соответственно действовал с друзьями своими, совместно со мною и через меня обманутыми.

Пусть смеются надо мной гордецы, которых Ты еще не поверг ниц и не поразил ради спасения их, Боже мой: я все равно исповедую позор мой во славу Твою. Позволь мне, молю Тебя, дай покружить сейчас памятью по всем кружным дорогам заблуждения моего, исхоженным мною, и «принести Тебе жертву хвалы» [Пс 49:14]. Что я без Тебя, как не вожак себе в пропасть? Что я такое, когда мне хорошо, как не младенец, сосущий молоко Твое и питающийся «Тобой – пищей, пребывающей вовек»? [1 Кор 3:1–2] И что такое человек, любой человек, раз он человек? Пусть же смеются над нами сильные и могущественные; мы же, нищие и убогие, да исповедуемся перед Тобой.

II

2

В эти годы я преподавал риторику и, побежденный жадностью, продавал победоносную болтливость. Я предпочитал, Ты знаешь это, Господи, иметь хороших учеников, в том значении слова, в котором к ним прилагается «хороший», и бесхитростно учил их хитростям не затем, чтобы они губили невинного, но чтобы порой вызволяли виновного. Боже, Ты видел издали, что я едва держался на ногах на этой скользкой дороге и в клубах дыма чуть мерцала честность моя, с которой, во время учительства своего, обучал я любящих суету и ищущих обмана, я, сам их союзник и товарищ.

В эти годы я жил с одной женщиной, но не в союзе, который зовется законным: я выследил ее в моих безрассудных любовных скитаниях. Все-таки она была одна, и я сохранял верность даже этому ложу. Тут я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью, при которой даже дитя рождается против желания, хотя, родившись, и заставляет себя любить.

3

Вспоминаю еще, что однажды я решил выступить на состязании драматических поэтов. Какой-то гаруспик поручил спросить меня, сколько я заплачу ему за победу, и я ответил, что это мерзкое колдовство мне ненавистно и отвратительно и что если бы меня ожидал даже венец из нетленного золота, то я не позволю ради своей победы убить муху. А он как раз и собирался убить и принести в жертву животных, рассчитывая, по-видимому, этими почестями склонить

ко мне демонов. Я отверг это зло не потому, что чтил святость Твою, Боже сердца моего. Я не умел ведь любить Тебя; только в телесной славе умел я представить Тебя. Душа, вздыхающая по таким выдумкам, разве «не распутничает вдали от Тебя»? Она верит лжи и «питает ветры» [Пс 72:27; Ос 12:1]. Я, конечно, не хотел, чтобы за меня приносили жертву демонам, которым я сам приносил себя в жертву своим суеверием. И что значит «питать ветры», как не питать этих духов, то есть своими заблуждениями услаждать их и быть им потехой?

III

4

Продолжал я советоваться и с этими проходимцами (их называют «математиками»), ссылаясь на то, что они не приносят никаких жертв и не обращаются ни к одному духу с молитвами о своих предсказаниях. Тем не менее христианское, настоящее благочестие отвергает и вполне последовательно осуждает их деятельность.

Хорошо исповедоваться Тебе, Господи, и говорить: «Смилуйся надо мною, излечи душу мою, потому что я согрешил перед Тобою» [Пс 40:3]; хорошо не злоупотреблять снисхождением Твоим, позволяя себе грешить и помнить слово Господне: «Вот ты здоров, не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» [И н 3:14]. Это спасительное наставление они ведь пытаются целиком уничтожить, говоря: «Небом суждено тебе неизбежно согрешить» или «Это сделали Венера, или Сатурн, или Марс». Следовательно, если на человеке, на этой плоти, крови, на гордой трухе, вины нет, то винить следует Творца и Устроителя неба и светил. А кто же это, как не Ты, Господь наш, сладостный исток справедливости, который «воздаешь каждому по делам его и сердца сокрушенного и смиренного не презираешь» [Мф 16:27; Рим 2:6; Пс 30:19].

5

Жил в это время человек острого ума, очень опытный и известный в своем деле врач, который, в качестве проконсула, своею рукой возложил в том состязании венец победителя на мою больную голову; тут он врачом не оказался. В такой болезни целитель Ты, Который «противишься гордым и смиренным даешь благодать» [1 Пет 3:3; Иак 4:6]. И разве не Ты помог мне через этого старика? Разве Ты оставил лечить душу мою? Я ближе познакомился с ним и стал его прилежным и постоянным собеседником (речь его, оживленная мыслью, была безыскусственной, но приятной и важной). Узнав из разговора со мной, что я увлекаюсь книгами астрологов, он с отеческой лаской стал уговаривать меня бросить их и не тратить зря на эти пустяки трудов и забот, нужных для полезного дела. Он рассказал мне, что он настолько изучил эту науку, что в юности хотел сделать ее своим насущным занятием; раз он понял Гиппократа, то уж, конечно, смог понять и эти книги. Впоследствии, однако, он их бросил и занялся медициной единственно потому, что ясно увидел их совершенную лживость; человек порядочный, он не захотел зарабатывать свой хлеб обманом. «У тебя, – добавил он, – есть твоя риторика, которой ты можешь жить; этой же ложью ты занимаешься по доброй воле, а не по нужде, и должен верить мне тем более, что я постарался изучить ее в совершенстве, желая ее сделать единственным источником заработка». Я спросил у него, по какой же причине многие их предсказания оказываются верны, и он ответил как мог, а именно, что это делается силой случая, всегда и всюду действующего в природе. Если человеку, который гадает по книге поэта, занятого только своей темой и ставящего себе свои цели, часто выпадает стих, изумительно соответствующий его делу, то можно ли удивляться, если человеческая душа по какому-то побуждению свыше, не отдавая себе отчета в том, что с ней происходит, изречет вовсе не по науке, а чисто случайно то, что согласуется с делами и обстоятельствами вопрошающего.

6

И тут Ты позаботился обо мне, действуя в нем и через него. В памяти моей Ты оставил набросок того, что впоследствии я должен был искать уже сам. Тогда же ни он, ни мой дорогой Небридий, юноша и очень хороший и очень чистый, смеявшийся над предсказаниями такого рода, не могли убедить меня от них отказаться. На меня больше действовал авторитет авторов этих книг, и в своих поисках я не нашел еще ни одного верного доказательства, которое недвусмысленно выявило бы, что верные ответы на заданные вопросы продиктованы судьбою или случайностью, а не наукой о наблюдении за звездами.

IV

7

В эти годы, когда я только что начал преподавать в своем родном городе, я завел себе друга, которого общность наших вкусов делала мне очень дорогим. Был он мне ровесником и находился в том же цвету цветущей юности. Мальчиками мы росли вместе; вместе ходили в школу и вместе играли. Тогда мы еще не были так дружны; хотя и впоследствии тут не было истинной дружбы, потому что истинной она бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу, «любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам» [Р им 3:3]. Тем не менее созревшая в горячем увлечении одним и тем же, была она мне чрезвычайно сладостна. Я уклонил его от истинной веры – у него, юноши, она не была глубокой и настоящей – к тем гибельным и суеверным сказкам, которые заставляли мать мою плакать надо мною. Вместе с моей заблудилась и его душа, а моя не могла уже обходиться без него.

И вот Ты, по пятам настигающий тех, кто бежит от Тебя, Бог отмщения и источник милосердия, обращающий нас к себе дивными способами, вот Ты взял его из этой жизни, когда едва исполнился год нашей дружбе, бывшей для меня сладостнее всего, что было сладостного в тогдашней моей жизни.

8

Может ли один человек «исчислить хвалы Твои» [Пс 103:2] за благодеяния Твои ему одному? Что сделал Ты тогда, Боже мой? Как неисследима «бездна судеб Твоих» [Пс 33:7]. Страдая лихорадкой, он долго лежал без памяти, в смертном поту. Так как в его выздоровлении отчаялись, то его окрестили в бессознательном состоянии. Я не обратил на это внимания, рассчитывая, что в душе его скорее удержится то, что он узнал от меня, чем то, что делали с его бессознательным телом. Случилось, однако, совсем по-иному. Он поправился и выздоровел, и, как только я смог говорить с ним (а смог я сейчас же, как смог и он, потому что я не отходил от него, и мы не могли оторваться друг от друга), я начал было насмеяться над крещением, которое он принял вовсе без сознания и без памяти. Он уже знал, что он его принял. Я рассчитывал, что и он посмеется вместе со мной, но он отшатнулся от меня в ужасе, как от врага, и с удивительной и внезапной независимостью сказал мне, что если я хочу быть ему другом, то не должен никогда говорить ему таких слов. Я, пораженный и смущенный, решил отложить свой натиск до тех пор, пока он оправится и сможет, вполне выздоровев, разговаривать со мной о чем угодно. Но через несколько дней, в мое отсутствие, он опять заболел лихорадкой и умер, отнятый у меня, безумного, чтобы жить у Тебя на утешение мне.

9

Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом – обителью беспросветного горя; все, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел все, потому что нигде его нет и никто уже не мог мне сказать: «Вот он придет», как говорили об отсутствующем, когда он был жив. Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает

меня [Пс 41:6, 12], и не знала она, что ответить мне. И если я говорил «надейся на Бога», она справедливо не слушалась меня, потому что человек, которого я так любил и потерял, был подлиннее и лучше, чем призрак, на которого ей велено было надеяться. Только плач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в уладе души моей.

V

10

Теперь, Господи, это уже прошло, и время залечило мою рану. Можно ли мне услышать от Тебя, Который есть Истина, можно ли преклонить ухо моего сердца к устам Твоим и узнать от Тебя, почему плач сладок несчастным? Разве Ты, хотя и всюду присутствуя, отбрасываешь прочь от себя наше несчастье? Ты пребываешь в Себе; мы кружимся в житейских испытаниях. И однако, если бы плач наш не доходил до ушей Твоих, ничего не осталось бы от надежды нашей. Почему с жизненной горечи срываем мы сладкий плод стенания и плач, вздохи и жалобы? Или сладко то, что мы надеемся быть услышаны Тобою? Это верно в отношении молитв, которые дышат желанием дойти до Тебя. Но в печали об утере и в той скорби, которая окутывала меня? Я ведь не надеялся, что он оживет, и не этого просил своими слезами; я только горевал и плакал, потеряв я был и несчастен: потерял я радость свою. Или плач, горестный сам по себе, улаждает нас, пресытившихся тем, чем мы когда-то наслаждались и что теперь внушает нам отвращение?

VI

11

Зачем, однако, я говорю это? Сейчас время не спрашивать, а исповедоваться Тебе. Я был несчастен, и несчастна всякая душа, скованная любовью к тому, что смертно: она разрывается, теряя, и тогда понимает, в чем ее несчастье, которым несчастна была еще и до потери своей.

Таково было состояние мое в то время; я горько плакал и находил успокоение в этой горечи. Так несчастен я был, и дороже моего друга оказалась для меня эта самая несчастная жизнь. Я, конечно, хотел бы ее изменить, но так же не желал бы утратить ее, как и его. И я не знаю, захотел ли бы я умереть даже за него, как это рассказывают про Ореста и Пилада, если это только не выдумка, что они хотели умереть вместе один за другого, потому что хуже смерти была для них жизнь врозь. Во мне же родилось какое-то чувство совершенно этому противоположное; было у меня и жестокое отвращение к жизни и страх перед смертью. Я думаю, что чем больше я его любил, тем больше ненавидел я смерть и боялся, как лютого врага, ее, отнявшую его у меня. Вдруг, думал я, поглотит она и всех людей: могла же она унести его.

В таком состоянии, помню, находился я. Вот сердце мое, Боже мой, вот оно – взгляни внутрь его, таким я его вспоминаю. Надежда моя, Ты, Который очищаешь меня от нечистоты таких привязанностей, устремляя глаза мои к Тебе и «освобождая от силков ноги мои» [Пс 24:14]. Я удивлялся, что остальные люди живут, потому что тот, которого я любил так, словно он не мог умереть, был мертв; и еще больше удивлялся, что я, его второе «я», живу, когда он умер. Хорошо сказал кто-то о своем друге: «Половина души моей». И я чувствовал, что моя душа и его душа были одной душой в двух телах, и жизнь внушала мне ужас: не хотел я ведь жить половинной жизнью. Потому, может быть, и боялся умереть, чтобы совсем не умер тот, которого я так любил.

VII

12

О, безумие, не умеющее любить человека как полагается человеку! О, глупец, возмущающийся человеческой участью! Таким был я тогда: я бушевал, вздыхал, плакал, был в расстройстве, не было у меня ни покоя, ни рассуждения. Повсюду со мной была моя растерзанная, окровавленная душа, и ей невтерпеж было со мной, а я не находил места, куда ее пристроить. Рощи с их прелестью, игры, пение, сады, дышавшие благоуханием, пышные пиры, ложе нег, самые книги и стихи – ничто не давало ей покоя. Все внушало ужас, даже дневной свет; все, что не было им, было отвратительно и ненавистно. Только в слезах и стенаниях чуть-чуть отдыхала душа моя, но когда приходилось забирать ее оттуда, тяжким грузом ложилось на меня мое несчастье. К Тебе, Господи, надо было вознести ее и у Тебя лечить. Я знал это, но и не хотел и не мог, тем более что я не думал о Тебе как о чем-то прочном и верном. Не Ты ведь, а пустой призрак и мое заблуждение были моим богом. И если я пытался пристроить ее тут, чтобы она отдохнула, то она катилась в пустоте и опять обрушивалась на меня, и я оставался с собой: злосчастное место, где я не мог быть и откуда не мог уйти. Куда мое сердце убежало бы от моего сердца? Куда убежал бы я от самого себя? Куда не пошел бы вслед за собой?

И все-таки я убежал из родного города. Меньше искали его глаза мои там, где не привыкли видеть, и я переехал из Тагасты в Карфаген.

VIII

13

Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно творит в душе удивительные дела. Дни приходили и уходили один за другим; приходя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний; постепенно лечили старыми удовольствиями, и печаль моя стала уступать им; стали, однако, наступать – не другие печали, правда, но причины для других печалей. Разве эта печаль так легко и глубоко проникла в самое сердце мое не потому, что я вылил душу свою в песок, полюбив смертное существо так, словно оно не подлежало смерти?

А меня как раз больше всего утешали и возвращали к жизни новые друзья, делившие со мной любовь к тому, что я любил вместо Тебя: нескончаемую сказку, сплошной обман, своим нечистым прикосновением развращавший наши умы, зудевшие желанием слушать. И если бы умер кто-нибудь из моих друзей, эта сказка не умерла бы для меня.

Было и другое, что захватывало меня больше в этом дружеском общении: общая беседа и веселье, взаимная благожелательная услужливость, совместное чтение сладкоречивых книг, совместные забавы и взаимное уважение; порою дружеские размолвки, какие бывают у человека с самим собой, – самая редкость разногласий как бы приправляет согласие длительное, – взаимное обучение, когда один учит другого и в свою очередь у него учится; тоскливое ожидание отсутствующих; радостная встреча прибывших. Все такие проявления любящих и любимых сердец в лице, в словах, в глазах и тысяче милых выражений, как на огне, сплавляют между собою души, образуя из многих одну.

IX

14

Вот что мы любим в друзьях, и любим так, что человек чувствует себя виноватым, если он не отвечает любовью на любовь. От друга требуют только выражения благожелательности. Отсюда эта печаль по случаю смерти; мрак скорби; сердце, упоенное горечью, в которую обратилась сладость; смерть живых, потому что утратили жизнь умершие.

Блажен, кто любит Тебя, в Тебе друга и ради Тебя врага. Только тот не теряет ничего дорогого, кому все дороги в Том, Кого нельзя потерять. А кто это, как не Бог наш, Бог, Который «создал небо и землю» и «наполняет их» [Быт 1:1; Иер 23:24], ибо, наполняя, Он и создал их. Тебя никто не теряет, кроме тех, кто Тебя оставляет, а кто оставил – куда пойдет и куда убежит? Только от Тебя, милостивого, к Тебе, гневному. Где не найдет он в каре, его постигшей, Твоего закона? А «закон Твой – истина», и «истина – это Ты» [Пс 118:142; Ин 14:6].

15

«Боже сил, обрати нас, покажи нам лик Твой, и мы спасемся» [Пс 79:4, 8]. Куда бы ни обратилась человеческая душа, всюду, кроме Тебя, наткнется она на боль, хотя бы наткнулась и на красоту, но красоту вне Тебя и вне себя самой. И красота эта ничто, если она не от Тебя. Прекрасное рождается и умирает; рождаясь, оно начинает как бы быть и растет, чтобы достичь полного расцвета, а расцветши, стареет и гибнет. Не всегда, правда, доживает до старости, но гибнет всегда. Родившись и стремясь быть, прекрасное чем скорее растет, утверждая свое бытие, тем сильнее торопится в небытие: таков предел, положенный Тобою земным вещам, потому что они только части целого, существующие не одновременно; уходя и сменяя друг друга, они, как актеры, разыгрывают все цельную пьесу, в которой им даны отдельные роли. То же происходит и с нашей речью, состоящей из звуковых обозначений. Речь не будет целой, если каждое слово, отзвучав в своей роли, не исчезнет, чтобы уступить место другому.

Да хвалит душа моя за этот мир [Пс 143:1–2] Тебя, «Господь, всего Создатель», но да не прилипает к нему чувственной любовью, ибо он идет, куда и шел, – к небытию и терзает душу смертной тоской, потому что и сама она хочет быть и любит отдыхать на том, что она любит. А в этом мире негде отдохнуть, потому что все в нем безостановочно убегает: как угнаться за этим плотскому чувству? Как удержать даже то, что сейчас под рукой? Медлительно плотское чувство, потому что оно плотское: ограниченность – его свойство. Оно удовлетворяет своему назначению, но его недостаточно, чтобы удержать то, что стремится от положенного начала к положенному концу. Ибо в слове Твоем, которым создан мир, слышит оно: «Отсель и досель».

XI

16

Не суетись, душа моя: не дай оглохнуть уху сердца от грохота суеты твоей. Слушай, само Слово зовет тебя вернуться: безмятежный покой там, где Любовь не покинет тебя, если сам ты Ее не покинешь. Вот одни создания уходят, чтобы дать место другим: отдельные части в совокупности своей образуют этот дольний мир. «Разве Я могу уйти куда-нибудь?» – говорит Слово. Здесь утверди жилище свое; доверь все, что у тебя есть, душа моя, уставшая наконец от обманов. Доверь Истине все, что у тебя есть от Истины, и ты ничего не утратишь; истлевшее у тебя покроется цветом; исцелятся все недуги твои; преходящее получит новый облик, обновится и соединится с тобой; оно не увлечет тебя в стремлении вниз, но недвижно останется с тобой и пребудет у вечно недвижимого и пребывающего Бога [Пс 101:13].

17

Зачем, развращенная, следуешь ты за плотью своей? Пусть она, обращенная, следует за тобой. Все, что ты узнаешь через нее, частично; ты не знаешь целого, которому принадлежат эти части, и все-таки они тебя радуют. Если бы твое плотское чувство способно было охватить все и не было бы оно, в наказание тебе, справедливо ограничено постижением только части, то ты пожелал бы, чтобы все, существующее сейчас, прошло, дабы ты больше мог наслаждаться

целым. Ведь и речь нашу ты воспринимаешь тоже плотским чувством, и тебе, разумеется, захочется, чтобы отдельные слоги быстро произносились один за другим, а не застывали неподвижно: ты ведь хочешь услышать все целиком. Так и части, составляющие нечто единое, но возникающие не все одновременно в том, что они составляют: все вместе радует больше части, если бы только это «все» могло быть разом воспринято. Насколько же лучше Тот, кто создал целое, – Господь наш. И Он не уходит, потому что для Него нет смены.

ХII

18

Если тела угодны тебе, хвали за них Бога и обрати любовь свою к их мастеру, чтобы в угодном тебе не стал ты сам негоден. Если угодны души, да будут они любимы в Боге, потому что и они подвержены перемене и утверждаются в Нем, а иначе проходят и преходят. Да будут же любимы в Нем: увлеку к Нему с собой те, какие сможешь, и скажи им: «Его будем любить: Он создатель и Он недалеко» [Деян 17:27]. Он не ушел от Своего создания: оно из Него и в Нем. Где же Он? Где вкушают истину? Он в самой глубине сердца, только сердце отошло от Него. «Вернитесь, отступники, к сердцу» и прильните к Тому, Кто создал вас. Стойте с Ним – и устоите; успокойтесь в Нем – и покойны будете. Куда, в какие трущобы вы идете? Куда вы идете? То хорошее, что вы любите, от Него, и поскольку оно с Ним, оно хорошо и сладостно, но оно станет горьким – и справедливо, – потому что несправедливо любить хорошее и покинуть Того, Кто дал это хорошее.

Зачем вам опять и опять ходить по трудным и страдным дорогам? Нет покоя там, где вы ищете его. Ищите, что вы ищете, но это не там, где вы ищете. Счастливой жизни ищете вы в стране смерти: ее там нет. Как может быть счастливая жизнь там, где нет самой жизни?

19

Сюда спустилась сама Жизнь наша и унесла смерть нашу и поразила ее избытком жизни своей. Прогремел зов Его, чтобы мы вернулись отсюда к Нему, в тайное святилище, откуда Он пришел к нам, войдя сначала в девственное чрево, где с Ним сочеталась человеческая природа, смертная плоть, дабы не остаться ей навсегда смертной, и «откуда Он вышел, как супруг из брачного чертога своего, радуясь, как исполин, пробежать поприще» [Пс 18:6]. Он не медлил, а устремился к нам, крича словами, делами, смертью, жизнью, сошествием, восшествием крича нам вернуться к Нему. Он ушел с глаз наших, чтобы мы вернулись в сердце наше и нашли бы Его. Он ушел, и вот Он здесь; не пожелал долго быть с нами и не оставил нас. Он ушел туда, откуда никогда не уходил, ибо «мир создан Им» и «Он был в этом мире» и «пришел в этот мир спасти грешников» [Ин 1:10; Тим 1:13]. Ему исповедуется душа моя, и Он «излечил ее, потому что она согрешила перед Ним» [Пс 40:3].

«Сыны человеческие, доколе будет отягощено сердце ваше?» [Пс 4:3, 3] Жизнь спустилась к вам – разве не хотите вы подняться и жить? Но куда вам подняться, если вы «высоко и положили на небо главы свои» [Пс 72:9]. Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него.

Скажи им это, пусть они плачут «в долине слез» [Пс 83:7]; увлеку их с собой к Богу, ибо слова эти говоришь ты от Духа Святого, если говоришь, горя огнем любви.

ХIII

20

Я не знал тогда этого, я любил дольную красоту, я шел в бездну и говорил друзьям своим: «Разве мы любим что-нибудь, кроме прекрасного? А что такое прекрасное? И что такое красота? Что привлекает нас в том, что мы любим, и располагает к нему? Не будь в нем прият-

ного и прекрасного, оно ни в коем случае не могло бы подвинуть нас к себе». Размышляя, я увидел, что каждое тело представляет собой как бы нечто целое и потому прекрасное, но в то же время оно приятно и тем, что находится в согласовании с другим. Так отдельный член согласуется со всем телом, обувь подходит к ноге и т. п. Эти соображения хлынули из самых глубин моего сердца, и я написал работу «О прекрасном и соответствующем», кажется, в двух или трех книгах. Тебе это известно, Господи: у меня же выпало из памяти. Самих книг у меня нет: они затерялись, не знаю, каким образом.

XIV

21

Что побудило меня, Господи, Боже мой, посвятить эти книги Гиерию, римскому оратору, которого я не знал лично, но которым восхищался за его громкую славу ученого. Мне сообщили некоторые его изречения, и они мне нравились. Еще больше нравился он мне потому, что очень нравился другим, его превозносили похвалами, недоумевая, как сириец, умевший сначала прекрасно говорить по-гречески, стал впоследствии мастером латинской речи и выдающимся знатоком во всех вопросах, касающихся философии.

Человека хвалят, и вот его заглазно начинают любить. Разве эта любовь входит в сердце слушающего от слов хвалящего? Нет! Любящий зажигает любовью и другого. Поэтому и любят того, кого хвалят другие, веря, что хвала ему возглашается нелживым сердцем, а это значит, что хвалят, любя.

20

Так любил я тогда людей, доверяясь суду человеческого, а не Твоему, Господи, которым никто не обманывается.

Почему, однако, хвалы ему отдавались совсем иные, чем знаменитому вознице или цирковому охотнику, прославленному народной любовью? Они были серьезны и важны; такие хотел я услышать о себе самом. Я ведь не хотел бы, чтобы меня хвалили и любили так, как актеров, хотя я сам расхваливал их и любил; но я избрал бы полную неизвестность, даже ненависть к себе, но не такую славу, но не такую любовь. Какими гирями одна и та же душа развешивает разную, столь несходную любовь? Почему я люблю в другом то, что одновременно ненавижу? Я ведь гнушаюсь этим для себя и наотрез от этого отказываюсь. А мы оба, и он и я, люди! Хорошую лошадь можно любить, не желая стать ею, даже если бы это было возможно. С актером случай другой: он нашего рода. Значит, я люблю в человеке то, что для меня в себе ненавистно, хотя и я человек? Великая бездна сам человек, «чьи волосы сочтены» [Мф 10:30] у Тебя, Господи, и не теряются у Тебя, и, однако, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца.

23

Что же касается Гиерия, то он принадлежал к тому типу ораторов, который мне так нравился, что мне самому хотелось быть одним из них. Я заблуждался в гордости своей, «был носим всяким ветром» [Еф 4:14], и совершенно скрыто от меня было руководство Твое. И откуда мне знать и как с уверенностью исповедать Тебе, что я больше любил его за любовь и похвалы, чем за те занятия, за которые его хвалили? Если бы те же самые люди не хвалили, а бранили его и рассказывали о нем то же самое, но с бранью и презрением, я не воспламенился бы любовью к нему, хотя ни занятия его, ни он сам не стали бы другими: другими были бы только чувства рассказчиков.

Вот куда брошена немощная душа, не прилепившаяся еще к крепкой истине. Ее несет и кружит, бросает туда и сюда, смотря по тому, куда дует вихрь слов и мнений. Они заслоняют ей свет, и она не видит истины. Она же вот – перед нами.

Для меня тогда было очень важно, чтобы моя книга и мои труды стали известны этому человеку. Его одобрение заставило бы меня загореться еще большим усердием; его неодобрение ранило бы мое суетное, не имевшее в Тебе опоры сердце. И однако, я с любовью охотно переворачивал перед своим умственным взором вопрос о прекрасном и соответственном, о чем писал ему, и приходил в восторг от своей работы, не нуждаясь ни в чьих похвалах.

24

Я не видел, однако, стержня в великом деле, в искусстве Твоем, Всемогущий, «Который один творишь чудеса» [Пс 71:18]. Душа моя странствовала среди телесных образов: «прекрасное», являющееся таковым само по себе, и «соответственное», хорошо согласующееся с другим предметом, я определял и различал, пользуясь доказательствами и примерами из мира физического.

Потом я обратился к природе души, но ложные понятия, бывшие у меня о мире духовном, мешали мне видеть истину. Во всей силе своей стояла истина у меня перед глазами, а я отвращал свой издерганный ум от бестелесного к линиям, краскам и крупным величинам. И так как я не мог увидеть это в душе, я думал, что не могу увидеть и свою душу. Я любил согласие, порождаемое добродетелью, и ненавидел раздор, порождаемый порочностью. В первой я увидел единство, во второй – разделенность. Это единство представлялось мне как совместность разума, истины и высшего блага; разделенность – как некая неразумная жизнь и высшее зло. Я, несчастный, считал, что оно не только субстанция, но что это вообще некая жизнь, только не от Тебя исходящая, Господи, от Которого все. Единство я назвал монадой, как некий разум, не имеющий пола, а разделенность – диадой: это гнев в преступлениях и похоть в пороках. Сам я не понимал, что говорю. Я не знал и не усвоил себе, что зло вовсе не есть субстанция и что наш разум не представляет собой высшего и неизменного блага.

25

Преступление есть порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа и утверждает себя дерзостно и взбаламученно. Разврат есть необузданное желание, жадное к плотским радостям. Если разумная душа сама порочна, то жизнь пятнают заблуждения и ложные понятия. Как раз такая и была у меня тогда, и я не знал, что ее надо просветить другим светом, чтобы приобщить к истине, потому что в ней самой нет истины. Ибо «Ты зажжешь светильник мой, Господи, Боже мой, Ты просветишь тьму мою; и от полноты Твоей получим мы все. Ты свет истинный, освещающий всякого человека, приходящего в этот мир, ибо у Тебя нет изменения и ни тени перемены» [Пс 17:29; Ин 1:16; Иак 1:17].

26

Я порывался к Тебе и был отбрасываем назад, да отведаю вкуса смерти, потому что «Ты противишься гордым» [1 Пет 3:3]. А разве не великая гордость притязать по удивительному безумию, что по природе своей я то же самое, что и Ты? Подверженный изменению и ясно видя это из того, что я очень хотел быть мудрым, дабы стать лучше, я предпочел, однако, считать Тебя подверженным изменению, чем признать, что я не то же самое, что и Ты. Потому я и был отталкиваем назад, и Ты пригибал мою кичливую выю. Я носился со своими телесными образами; я, плоть, обвинял плоть и «бродячий дух» [Пс 77:39], я не повернулся к Тебе; бродя, я бродил среди несуществующего ни в Тебе, ни во мне, ни в теле: тут не было подлинных Твоих созданий, а были одни мои пустые мечтания. И я спрашивал у малых верных детей Твоих, моих сограждан, из среды которых я, сам того не зная, был изгнан, я спрашивал их, нелепый болтун: «Почему же заблуждается душа, которую создал Бог?» Я не хотел, чтобы меня спросили: «Почему же заблуждается Бог?» И я силился доказать, что скорее Ты в своей неизменной сущности вынужден впасть в заблуждение, чем признать, что я, подверженный изменению, добровольно сбиваюсь с пути и в наказание за это впадаю в заблуждение.

27

Мне было, пожалуй, лет двадцать шесть— двадцать семь, когда я закончил эти свитки, развертывая перед собой свои выдумки – эти материальные образы, оглушавшие уши моего сердца. Я настораживал их, сладостная Истина, чтобы услышать мелодию Твою, звучащую глубоко внутри меня. Я думал о «прекрасном и соответственном», хотел встать на ноги и услышать Тебя, «радостью обрадоваться, слыша голос жениха» [И н 3:29], и не мог: мое заблуждение громко звало меня и увлекало наружу; под тяжестью гордости своей падал я вниз. «Ты не давал слуху моему радости и веселия», и не «ликовали кости мои», потому что «не были сокрушены» [Пс 30:10].

XVI

28

И какая польза для меня была в том, что лет двадцати от роду, когда мне в руки попало одно произведение Аристотеля под заглавием «Десять категорий» (карфагенский ритор, мой учитель, и другие люди, считавшиеся учеными, раздуваясь от гордости, трещали о нем, и, слыша это название, я только и мечтал об этой книге, как о чем-то великом и божественном), я оказался единственным, прочитавшим и понявшим ее? Когда я беседовал по поводу этих категорий с людьми, которые говорили, что они с трудом их поняли и то лишь с помощью ученых наставников, объяснявших их не только словесно, но и с помощью многочисленных рисунков на песке, то оказалось, что они могут сказать мне о них только то, что я, при своем одиноком чтении, узнал у себя самого. По-моему, книга эта совершенно ясно толковала о субстанциях и их признаках: например, человек – это качество; сколько в нем футов роста – это количество; его отношение к другим: например, чей он брат; место, где он находится; время, когда родился; его положение: стоит или сидит; что имеет: обувь или вооружение; что делает или что терпит. Под эти девять категорий, для которых я привел примеры, и под самую категорию субстанции подойдет бесконечное число явлений.

29

Какая была мне от этого польза? А вред был. Считая, что вообще все существующее охвачено этими десятью категориями, я пытался и Тебя, Господи, дивно простого и не подверженного перемене, рассматривать как субъект Твоего величия или красоты, как будто они были сопряжены с Тобой как с субъектом, то есть как с телом, тогда как Твое величие и Твоя красота – это Ты сам. Тело же не является великим или прекрасным потому, что оно тело: меньшее или менее красивое, оно все равно остается телом.

Ложью были мои мысли и о Тебе, а не истиной: жалкий вымысел мой, не блаженная крепость Твоя. Ибо Ты повелел, и так и стало со мной: земля «начала рожать мне терния и волчцы» [Быт 3:18], и с трудом получал я хлеб свой.

30

И какая польза была для меня, что я, в то время негодный раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, относившиеся к так называемым свободным искусствам, какие только мог прочесть? Я радовался, читая их, и не понимал, откуда в них то, что было истинного и определенного. Я стоял спиной к свету и лицом к тому, что было освещено; и лицо мое, повернутое к освещенным предметам, освещено не было. Тебе известно, Господи, что я узнал, без больших затруднений и без людской помощи, в красноречии, диалектике, геометрии, музыке и арифметике: и быстрая сообразительность и острая пронизательность – Твои дары, но не Тебе приносил я их в жертву. Они были мне не на пользу, а скорее на гибель, потому что я жадно стремился овладеть доброй долей имущества своего, но «не сохранил для Тебя сил своих», а ушел от Тебя прочь, в дальнюю страну, чтобы расточить все на блудные страсти [Лк 13]. Какая польза была мне от хорошего, если я не умел им хорошо пользоваться? А я стал понимать, как трудно даются эти науки даже прилежным и толковым ученикам, когда, пытаюсь их разъ-

яснить, увидел, что самого выдающегося среди моих учеников хватало лишь на то, чтобы не так уж медленно усваивать мои объяснения.

31

Какая была мне польза в этом, если я думал, что Ты, Господи, Бог истины, представляешь собой огромное светящееся тело, а я обломок этого тела? Предел извращенности! Но именно таков был я тогда! Я не краснею, Господи, исповедуя пред Тобой милосердие Твое ко мне и призывая Тебя: я ведь не краснел, богохульно проповедуя пред людьми и лая на Тебя.

Какая польза была мне от моего ума, так легко справлявшегося с этими науками, и от такого количества запутаннейших книг, распутанных без помощи учителя, если я безобразно кощунствовал и гнусно заблуждался в науке благочестия? Во вред ли был для малых Твоих ум гораздо более медлительный, если они не уходили от Тебя прочь, безмятежно оперялись в гнезде Церкви Твоей и выращивали крылья любви, питаясь пищей здоровой веры?

Господи, Боже наш, «в тени крыл Твоих обретем мы надежду»: укрой нас и понеси нас. «Ты понесешь. Ты понесешь малых детей и до седин будешь нести их» [Пс 62:8; Ис 46:3–4] – ибо сила наша тогда сила, когда это Ты; только наша – она бессилие. Наше благо всегда у Тебя, и, отвращаясь от него, мы развращаемся. Припадем к Тебе, Господи, да не упадем: у Тебя во всей целости благо наше – Ты сам: мы не боимся, что нам некуда вернуться, потому что мы рухнули вниз: в отсутствие наше не рухнул дом наш, вечность Твоя.

Книга пятая

I

1

Прими исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим, который Ты создал и побудил исповедовать имя Твое; выздоровели все кости мои, пусть же они скажут: «Господи! Кто подобен Тебе?» [Пс 34:10] Ничего нового не сообщает Тебе человек, исповедуясь в том, что происходит с ним, ибо не закрыто взору Твоему закрытое сердце и не отталкивает человеческая жестокость десницу Твою: Ты смягчаешь ее, когда захочешь, милосердуя или отмщая: «И нет никого, кто укрылся бы от жара Твоего» [Пс 18:7, 138:13]. Да хвалит Тебя душа моя, чтобы возлюбить Тебя. Неумолчно хвалят Тебя все создания Твои: всякая душа, обратившаяся к Тебе, своими устами; животные и неодушевленная природа устами тех, кто их созерцает. Да воспрянет же в Тебе душа наша от усталости; опираясь на творения Твои, пусть дойдет к Тебе, дивно их сотворившему: у Тебя обновление и подлинная сила.

II

2

Пусть уходят и бегут от Тебя мятущиеся и грешные. Ты видишь их, Ты распределяешь и тени. И вот – мир прекрасен и с ними, хотя они сами мерзки. Но чем повредили они Тебе? Чем обесчестили власть Твою – полную и справедливую от небес и до края земли. Куда бежали, убежав от лица Твоего? Где не найдешь Ты их? Они убежали, чтобы не видеть Тебя, видящего их, и в слепоте своей наткнуться на Тебя, ибо Ты не оставляешь ничего Тобой созданного. Да, чтобы наткнуться на Тебя в неправде своей и по правде Твоей нести наказание, уклонившись от кротости Твоей, натыкаются они на справедливость Твою и падают в суровость Твою. Не знают они, что Ты всюду и нет места, где Тебя бы не было; Ты, единственный, рядом даже с теми, кто далеко ушел от Тебя. Пусть же обратятся, пусть ищут Тебя; если они оставили Создателя своего, то Ты не оставил создание Свое. Пусть сами обратятся, пусть ищут Тебя – вот Ты здесь, в сердце их, в сердце тех, кто исповедуется у Тебя, и кидается к Тебе, и плачет на груди Твоей после трудных дорог своих. И Ты, благостный, оттираешь слезы их; они плачут еще больше и радуются, рыдая, потому что Ты, Господи, не человек, не плоть и кровь, но Ты, Господи, их Создатель, обновляешь и утешаешь их. И где я был, когда искал Тебя? Ты был предо мною, я же далеко ушел от себя, я не находил себя; как же было найти Тебя!

III

3

Я расскажу пред очами Господа моего о том годе, когда мне исполнилось двадцать девять лет.

В Карфаген приехал некий манихейский епископ по имени Фавст. Это была страшная сеть дьявольская [1 Тим 3:7], и многие запутывались в ней, прельщенные его сладкоречием, которое и я хвалил, различая, однако, между ним и истинной сутью вещей, познать которую так жадно стремился. Я вглядывался не в словесный сосуд, а в то, какое знание предлагает мне отведать из него этот столь известный у них Фавст. Молва уже заранее сообщала мне, что он весьма осведомлен о всех высоких учениях и особенно сведущ в науках свободных. Так как

я прочел много философских книг и хорошо помнил их содержание, то я и стал сравнивать некоторые их положения с бесконечными манихейскими баснями: мне казались более вероятными слова тех, «у кого хватило разума исследовать временный мир», хотя «не обрели они Господа его» [Прем 13:9]. Ибо «высок ты, Господи, и смиренного видишь, и гордого узнаешь издали» [Пс 137:6], но приближаешься только «к сокрушенным сердцем»: гордые не находят Тебя, хотя бы даже в ученой любознательности своей сочли они звезды и песчинки, измерили звездные просторы и исследовали пути светил.

4

Они производят эти исследования, руководствуясь разумом и способностями, которые Ты им дал: многое нашли они и предсказали за много лет вперед солнечные и лунные затмения, их день, их час и каковы они будут. Вычисления не обманули их: все происходит так, как они предсказали. Они записали законы, ими открытые; их и сегодня знают и по ним предсказывают, в каком году, в каком месяце этого года, в какой день этого месяца и в какой час этого дня луна или солнце затемнится в такой-то своей части. Все и произойдет так, как предсказано.

Дивятся и поражаются люди, не осведомленные в этой науке; ликут и кичатся осведомленные. В нечестивой гордости отходя от Тебя и удаляясь от Твоего света, они задолго предвидят будущее затмение солнца и не видят собственного в настоящем. Они благоговейно не разыскивают, откуда у них способности, с помощью которых они все это разыскивают. И даже найдя, что Ты создал их, они не вручают себя самих Тебе, чтобы Ты сохранил их как создание Свое, и не закаляют Тебе в жертву то, что они сами из себя сделали: они не убивают для Тебя ни своих превозносящихся мыслей, как «птиц»; ни своего любопытства, как «рыб морских», – а оно заставляет их бродить по тайным «стежам пропасти», – ни своего распутства, как «полевых скотов», – дабы Ты, Господи, «огнь поядающий» [Втор 4:24], уничтожил их мертвенные заботы, а их воссоздал для бессмертия.

5

Они не познали Пути, Слова Твоего, Которым Ты создал и то, что они вычисляют, и тех, кто вычисляет, и чувство, которым они различают предметы вычислений, и разум, с помощью которого вычисляют: «мудрость же Твоя неисчислима» [Пс 146:3]. Сам же Единородный Сын Твой «сделался для нас мудростью, праведностью и освящением»; но Он считался одним из нас и платил подать кесарю.

Они не познали этого Пути, чтобы спуститься Им от себя к Нему и через Него к Нему подняться. Они не познали этого Пути; они думают, что вознеслись к звездам и сияют вместе с ними, – и вот рухнули они на землю, и «омрачилось безумное сердце их».

Много верно сообщают они о твари. Истину же, Мастера твари, не ищут благоговейно и потому не находят, а если и найдут, то, «познав Бога, не прославляют Его, как Бога, и не благодарят, но суетствуют в умствованиях своих и называют себя мудрыми»: себе приписывают Твое и поэтому, извращенные и слепые, стараются Тебе приписать свое; переносят ложь свою на Тебя, Который есть Истина: «изменяя славу нетленного Бога в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, заменили они истину Божию ложью и поклоняются и служат твари вместо Творца» [Рим 1:21–23].

6

Я запомнил, однако, у них много верно из наблюдений над природой. Их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, видимым появлением звезд. Я сравнивал их положения со словами Мани, изложившего свой бред во множестве пространнейших сочинений: тут не было разумного объяснения ни солнцестояний, ни равноденствий, ни затмений, вообще ни одного из тех явлений, с которыми я ознакомился по книгам мирской мудрости. Мне приказано было верить тому, что совершенно не совпадало с доказательствами, проверенными вычислением и моими собственными глазами, и было тому совершенно противоположно.

IV

7

Господи, Боже истины, разве тот, кто знает это, уже угоден Тебе? Несчастен человек, который, зная все, не знает Тебя; блажен, кто знает Тебя, даже если он не знает ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, делает блаженнее не его наука: через Тебя одного он блажен, «если, познав Тебя, прославит Тебя, как Бога, и возблагодарит и не осуетится в умствованиях своих». Лучше ведь обладать деревом и благодарить Тебя за пользу от него, не зная, сколько в нем локтей высоты и на какую ширину оно раскинулось, чем знать, как его вымерить, как сосчитать все его ветви, но не обладать им, не знать и не любить его Создателя. Так и верному Твоему принадлежит весь мир со всем богатством своим, и, как будто ничего не имея, «он обладает всем» [2 Кор 6:10], прилепившись к Тебе, Которому служит все. Пусть он не знает, как вращается Большая Медведица; глупо сомневаться, что ему лучше, чем тому, кто измеряет небо, считает звезды, взвешивает вещества – и пренебрегает Тобою, Который «все расположил мерою, числом и весом» [Прем 11:21].

V

8

Кто, однако, требовал, чтобы какой-то Мани писал об этих предметах? Чтобы обучиться благочестию, не нужно о них знать. Ты ведь сказал человеку: «Вот: благочестие и есть мудрость» [Иов 28:28]. Он мог не ведать об этой мудрости, хотя бы и в совершенстве овладел наукой. Она, однако, вовсе не была ему знакома, но он бесстыдно осмеливался поучать. О мудрости, разумеется, он ничего уже знать не мог. Проповедовать мирское знание, даже хорошо себе известное, дело суетное; исповедовать Тебя – это благочестие. Сбившись как раз с этого пути, он много говорил по вопросам научным и был опровергнут настоящими знатоками. Ясно отсюда, каким могло быть его разумение в области, менее доступной. Он же не соглашался на малую для себя оценку и пытался убедить людей, что Дух Святой, утешитель и обогатитель верных Твоих, лично в полноте своего авторитета обитает в нем. Его уличили в лживых утверждениях относительно неба, звезд, движения солнца и луны; хотя это и не имеет отношения к науке веры, тем не менее кощунственность его попыток выступает здесь достаточно: говоря в своей пустой и безумной гордыне о том, чего он не только не знал, но даже искажил, он всячески старался приписать эти утверждения как бы божественному лицу.

9

Когда я слышу, как кто-нибудь из моих братьев христиан, человек невежественный, судит вкривь и вкось о вопросах научных, я терпеливо взираю на его мнения: я вижу, что они ему не во вред, если он не допускает недостойных мыслей о Тебе, Господи, Творец всего, и только ничего не знает о положении и свойствах телесной природы. Будет во вред, если он решит, что эти вопросы имеют отношение к сущности вероучения, и осмелится упрямо настаивать на том, чего он не знает. Такую немощность, впрочем, материнская любовь переносит у тех, кто верой еще младенец, ожидая, пока новый человек не восстанет в «мужа совершенного», которого нельзя будет «завертеть ветром всякого учения» [Еф 4:13–14]. Кто же не сочтет ненавистным и отвратительным безумие человека, который, будучи столько раз уличен во лжи, осмелился предстать перед теми, кого он убеждал, как такой учитель, основоположник, вождь и глава, что последователи его думали, будто они следуют не за простым человеком, а за Духом Твоим Святым? Мне, впрочем, самому не было вполне ясно, можно ли объяснить, согласно и с его словами, смену долгих и коротких дней и ночей, самую смену дня и ночи, затмения светил и тому подобные явления, о которых я читал в других книгах. Если бы это оказалось возможным,

то я все же оставался бы в нерешительности, действительно это так или же нет. Я поддерживал, однако, свою веру его авторитетом, будучи убежден в его святости.

VI

10

Почти девять лет, пока я в своих душевных скитаниях прислушивался к манихеям, напряженно ожидал я прибытия этого самого Фавста. Другие манихеи, с которыми мне доводилось встречаться, будучи не в состоянии ответить на мои вопросы по этим поводам, обещали мне в нем человека, который, приехав, в личной беседе очень легко, со всей ясностью распутает мне не только эти задачи, но и более сложные, если я стану его о них спрашивать.

Когда он прибыл, я нашел в нем человека милого, с приятною речью; болтовня его о манихейских обычных теориях звучала гораздо сладостнее. Что, однако, в драгоценном кубке поднес к моим жаждущим устам этот изящнейший виночерпий? Уши мои пресытились уже такими речами: они не казались мне лучшими потому, что были лучше произнесены; истинными потому, что были красноречивы; душа не казалась мудрой потому, что у оратора выражение лица подобающее, а выражения изысканны. Люди, обещавшие мне Фавста, не были хорошими судьями. Он казался им мудрецом только потому, что он услаждал их своей речью.

Я знал другую породу людей, которым сама истина кажется подозрительной, и они на ней не успокоятся, если ее преподнести в изящной и пространной речи. Ты же наставил меня, Господи, дивным и тайным образом: я верю, что это Ты наставил меня, ибо в этом была истина, а кроме Тебя нет другого учителя истины, где бы и откуда бы ни появился ее свет. Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истиной потому, что они красноречивы, а нескладные, кое-как срывающиеся с языка слова лживыми потому, что они нескладны, и наоборот: безыскусственная речь не будет тем самым истинной, а блестящая речь тем самым лживой. Мудрое и глупое – это как пища, полезная или вредная, а слова, изысканные и простые, – это посуда, городская и деревенская, в которой можно подавать и ту и другую пищу.

11

Жадность, с которой я столько времени ожидал этого человека, находила себе утоление в оживленном ходе его рассуждений и в той подобающей словесной одежде, в которую он с такой легкостью одевал свои мысли. Я наслаждался вместе со многими и расхваливал и превозносил его даже больше многих, но досадовал, что не могу в толпе слушателей предложить ему вопросы, меня тревожившие, и поделиться ими, обмениваясь мыслями в дружеской беседе. Когда же наконец случай представился, я вместе с моими друзьями завладел им в то время, когда такое взаимное обсуждение было вполне уместно, и предложил ему некоторые из вопросов, меня волновавших. Я прежде всего увидел человека, совершенно не знавшего свободных наук, за исключением грамматики, да и то в самом обычном объеме. А так как он прочел несколько речей Цицерона, очень мало книг Сенеки, кое-что из поэтов и тех манихеев, чьи произведения были написаны хорошо и по-латыни, и так как к этому прибавлялась еще ежедневная практика в болтовне, то все это и создавало его красноречие, которое от его ловкой находчивости и природного очарования становилось еще приятнее и соблазнительнее. Правильны ли воспоминания мои, Господи, Боже мой, Судья моей совести? Сердце мое и память моя открыты Тебе; Ты уже вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и обращал лицом к постыдным заблуждениям моим, чтобы я их увидел и возненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.